

**Живое
ленинское
слово**

Живое ленинское СЛОВО

Сборник цитат

УДК 321.01

ББК 94.8

E25

E25 **Живое ленинское слово.** Сборник цитат. Составитель Ю.К. Евсеев. – Казань: Издательский дом Маковского, 2022. – 112 с.

ISBN 978-5-904613-13-6

Приведённая подборка цитат из работ В.И. Ленина показывает устремлённость великого вождя трудящихся на создание нового, первого в мире действительно народного, действительно демократического государства, целью которого было достижение полного благосостояния и свободного всестороннего развития *всех* членов общества. Эта цель, которой В.И. Ленин посвятил всю свою недолгую жизнь, была реализована. Советская Россия, вопреки огромному сопротивлению лютых врагов ленинских идей, начала успешно строиться.

Отход от глубокого и полного изучения и, как следствие, недостаточного практического применения наследия В.И. Ленина, привел к развороту общества в сторону потребления, лицемерия, деградации и обогащению отдельных лиц за счёт большинства народа.

Сегодня очень своевременно и полезно вспомнить и изучить ленинскую НАУКУ побеждать – уникальные уроки великого мыслителя и стратега, которые учат бороться, изменять мир в сторону процветания, дают уверенность в завтрашнем дне и в правильности выбранного пути.

Приведённые цитаты дают всё же только общее или даже поверхностное представление о творчестве В.И. Ленина. Вполне же понять и раскрыть гений В.И. Ленина возможно только при изучении его работ целиком, вплоть до изучения Полного собрания сочинений (ПСС).

В сборник включены цитаты из разных работ В.И. Ленина. Цитаты даны в хронологическом порядке.

УДК 321.01

ББК 94.8

ISBN 978-5-904613-13-6

Предисловие

«Я себя под Лениным чищу...»

В. Маяковский

Мировое явление Владимира Ильича Ульянова-Ленина настолько уникально, что любые попытки оценить его гений оканчиваются плачевно, если не исходят от конгениальной личности.

Миссия Ленина заключалась в разработке стратегии и тактики построения на земле социально справедливого государства – общества, где каждый человек мог стать сотворцом и при этом состояться как уникальная личность.

Именно данный смысловой аспект – развитие индивидуальной человеческой души – ставил философ философов Платон в центр своего фундаментального труда «Государство». Платон отрицал саму возможность построения справедливого общества на земле, но рассматривал государство как социальную среду для развития человеческого сознания.

«Кремлёвский мечтатель», как назвал В.И. Ленина английский писатель Герберт Уэллс¹, сделал невозможное возможным: под его руководством, в результате борьбы миллионов людей за право определять своё коллективное будущее по принципу справедливости, начала строиться Советская Россия. Космическая идея **общего блага** объединяла людей, зажигала их сердца, поднимала с колен, делала их способными к боевым и трудовым подвигам.

¹ Широко известный как писатель-фантаст.

Советский народ в сотворческом единении и общинном мышлении совершил такой мощный скачок в своём развитии, который невозможно было даже вообразить. Это была большая здоровая семья...

Где же она, великая и мощная Страна Советов с её героическим народом?

Попробуем разобраться, применив космические закономерности развития.

Советская Россия просуществовала примерно 72 года (1917-1989 г.²). Именно за столько лет точка весеннего равноденствия смещается на один из 360 градусов платоновского года³. Это называется прецессией. 72 года можно рассмотреть как четырёх фазовый цикл, по аналогии с лунным циклом. Каждая фаза завершается кризисом. Тогда получится, что первая «новолунная» фаза (1917-1935 г.) характеризует становление нового молодого государства, основанного на идее общего блага; вторая фаза (1935-1953 г.) являет подход к кульминации развития государства, когда достижения пятилеток и победа в Великой Отечественной войне продемонстрировали мощь советского народа как носителя идеи общего блага; данный период можно назвать «сталинским», и его окончание совпало со смертью И.В. Сталина; третья фаза (1953-1971 г.) показывает достижения во всех сферах государственного устройства (образование, здравоохранение, наука, культура, прорыв в космос); четвёртая фаза (1971-1989 г.) знаменует переход к новой идее, противоположной идее общего блага – к «новому мышлению» и «перестройке».

Из вышеизложенного следует, что общественно-исторические процессы развиваются по аналогии с природными. Ста-

² Не следует искать точности в числах – в космосе всё иррационально!

³ За 26 000 неполных лет полюс небесного экватора описывает полный круг вокруг полюса эклиптики.

новление и развитие советского государства происходило в соответствии с космическими закономерностями.

Тот же метод исчисления можно применить и к проживаемому нами сейчас периоду (с 1989/90 г.), разбив его на «фазы» по 18 лет⁴. Можно проследить ретроспективу: так, предшествующий советскому период начался с 1845 г. совместной деятельностью К. Маркса и Ф. Энгельса, в результате которой вскоре был написан знаменитый «Манифест Коммунистической Партии».

В.И. Ленин – великий гуманист, философ, учёный, стратег и тактик – оставил большое наследие, оформленное в Полное собрание сочинений в 55 томах. По-настоящему проникнуться духом ленинского гения можно лишь прочитав их все. Однако в приведённых ниже ленинских цитатах отражены основные идеи, на основании которых строилось первое в мире справедливое государство рабочих и крестьян.

Река истории, подчиняясь космическому зову, устремляется в будущее. В её водах хранится память обо всём, что пережито человечеством. И особый свет излучает советский прецессионный период, наполненный вдохновенной мыслью ленинского гения.

М.В. Ильчук

⁴ Можно предположить, что первая фаза перестроечного цикла закончилась в 2007/08 г. мюнхенской речью В. Путина.

НАУКА побеждать!

К. Маркс, Ф. Энгельс Из Манифеста Коммунистической Партии

История всех до сих пор существовавших классов была историей борьбы классов. (стр.24)⁵

Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд. (стр.42)

Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса. (стр.45)

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. (стр.47)

Гл. 3, § 2. Консервативный или буржуазный социализм

Известная часть буржуазии желает излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существования буржуазного общества.

⁵ Манифест Коммунистической Партии. М., Политиздат, 1972 г.

Сюда относятся экономисты, филантропы, поборники гуманности, радетели о благе трудящихся классов, организаторы благотворительности, члены обществ покровительства животным, основатели обществ трезвости, мелкотравчатые реформаторы самых разных видов.

Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. (стр.54)

Свободная торговля! в интересах рабочего класса; покровительственные пошлины! в интересах рабочего класса; одиночные тюрьмы! в интересах рабочего класса – вот последнее, единственно сказанное всерьёз, слово буржуазного социалиста.

Социализм буржуазии заключается как раз в утверждении, что буржуа являются буржуа, – в интересах рабочего класса. (стр.55)

Задачи союзов молодежи

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где всё было написано в самом лучшем виде, и эти книги в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество. (стр.6)⁶

Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из неё лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиваться настоящего коммунистического образования. (стр.8)

...почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса – вы можете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и главное, он доказал это на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он перера-

⁶ Задачи союзов молодёжи. М., Молодая гвардия, – 1973 г.

ботал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Всё то, что человеческой мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными предрассудками люди сделать не могли. (стр.9-10)

Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех богатств, которые выработало человечество. (стр.11)

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата. (стр.18)

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман.

А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого. (стр.19)

Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда. (стр.23)

Коммунистическое общество значит – все общее: земля, фабрики, общий труд, – вот что такое коммунизм. (стр.26)

Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. (стр.27)

Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. (стр.29)

Из Полного собрания сочинений В.И. Ленина

Без знания рабочие – беззащитны, со знанием они сила!
(2,80)⁷

На пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса – не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение.
(2,454-455)

...кроме пролетариата, ни один из этих слоёв не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоёв (буржуазии, мелкой буржуазии, «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающего его с чиновничеством, потому что все эти слои – родня русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства.

...только у пролетариата нет никаких нитей, связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ними. (2,456)

⁷ В скобках указание на том и стр., цитируемого текста по ПСС.

Ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения).

Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатание мысли. До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, – теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их. (4,182)

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая эту науку и развивая её во всех частностях.

...**Не устройство заговоров**, а организация классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель этой борьбы – завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества.

Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую специалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. (4,183-184)

Экономическая борьба, не объединенная **центральным органом**, не может сделаться *классовой* борьбой всего русского пролетариата.

Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных *форм и правил ведения дела*, без установления – чрез посредство центрального органа – *ответственности* каждого члена партии перед всей партией. (4,191)

Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет всё больший спрос на интеллигенцию.

Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наёмным рабочим, по мере того, как капиталист всё более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наёмника, грозит понизить его жизненный уровень. Переходное, неустойчивое, противоречивое положение рассматриваемого общественного слоя отражается в том, что среди него особенно широко распространяются те половинчатые, эклектические воззрения, та мешанина противоположных принципов и точек зрения, то стремление подниматься на словах в преувеличенные области и затушёвывать фразами конфликты исторических групп населения, – которые так бичевал своими сарказмами Маркс полвека тому назад. (4,209)

Судьи-чиновники заботятся больше всего о том, чтобы дело было гладко по бумагам: только бы в бумагах было все всё в порядке, а больше ни до чего нет дела чиновнику, который стремится лишь получить свое жалование и выслуживаться перед начальством.

От этого безобразно много бывает всегда в чиновничьих судах бумажной волокиты, сутяжничества и крючкотворства: написал как-нибудь не так на бумаге, не сумел когда следует занести в протокол – пропало дело, хотя бы и справедливое было дело. (4,275)

Интерес класса капиталистов, интерес всей буржуазии состоит в том, чтобы оставить рабочих невежественными и раздроблёнными, чтобы удалять скорее тех рабочих, которые умнее других и которые пользуются своим умом и своими знани-

ями не для того, чтобы сделаться изменником рабочему делу, выслуживаясь перед мастерами, хозяевами и полицейскими, а пользуются для того, чтобы помочь и остальным рабочим приобрести больше знаний и научиться сообща стоять за рабочее дело. (4,280)

Неужели среди социал-демократов нужно ещё доказывать, что не может быть никакого политического воспитания *вне* политических действий. (4,312)

...мы должны стремиться к тому, чтобы каждый социал-демократ и каждый сознательный рабочий составил себе определенные взгляды по всем основным вопросам. (4,326-327)

...узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения его в целом, грозит совратить движение на ложную дорогу. (4,355)

Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, её задача – не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий, изменяет великому завету: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». (4,373)

Вместо уменьшения пьянства – увеличение числа мест тайной продажи вина, увеличение полицейских доходов с этих мест, открытие винных лавок вопреки воле населения, ходатайствующего о противном, усиление пьянства на улицах. (4,421)

Меня всего сильнее возмущают подобные любители золотой середины, которые не решаются прямо выступить против

несимпатичных им доктрин, виляют, вносят «поправки», обходят основные пункты (как учение о классовой борьбе) и ходят вокруг частностей. (46,16)

И нечего так особенно бояться этой борьбы: борьба вызовет, может быть, раздражение несколько *лиц*, но зато она расчистит воздух, определит точно и прямо отношения, – определит, какие разногласия существенны и какие второстепенны, определит, где находятся люди, действительно идущие совсем другой дорогой, и где сотоварищи по партии, расходящиеся в частностях.... Без борьбы не может быть и разборки, а без разборки не может быть и движения вперёд, не может быть и *прочного единства*. (46,55-56)

...кто не хочет смотреть вперёд, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может. (5,138)

...не забывать никогда о том, что члены боевой социалистической партии должны и в учёных своих трудах не упускать из виду читателя – рабочего, должны стараться писать *просто*, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков «учёности», которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки. (5,148)

И теоритические знания, и политический опыт, и организаторская ловкость, – всё это вещи наживные. Была бы охота учиться и выработать в себе требуемые качества. (5,364)

Анархизм – порождение *отчаяния*. Психология выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария. (5,378)

Свобода – великое дело, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда – грабили трудящихся.

Мы идём тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем.

...если уже надо было соединиться, – писал Маркс вожакам партии, – то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоритических «уступок».

Без революционной теории не может быть и революционного движения.

...«неважная» на первый взгляд, ошибка может вызвать самые печальные последствия... (6,24)

...*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* (6,25)

...и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т.е. чтобы его изучали. (6,27)

...вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой третьей идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* отстранение от неё означает тем самым усиление идеологии буржуазной. (6,39-40)

Но почему же, – спросит читатель, – стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идёт именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* большими средствами распространения. (6,41)

Социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса. Рабочий класс стихийно влечётся к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах)

буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

...какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности. (6,107)

...без «десятки» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса. (6,121-122)

...мы своим кустарничеством уронили престиж революционера на Руси. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающихся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тред-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своём профессиональном искусстве, – борьбе с политической полицией, – помилуйте! Это – не революционер, а какой то жалкий кустарь. (6,127)

...на войне, известное дело, важнее всего внушить веру в свои силы не только своей армии, но неприятелю и всем *нейтральным* элементам; дружественный нейтралитет может иногда решить дело. (6,130)

«Международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения *трудящейся и эксплуатируемой массы...*» Вовсе нет. Она стоит во главе *только рабочего класса*, и если к этому классу примыкают другие элементы, то это именно элементы, а не классы. И примыкают они вполне и всецело только тогда, когда они «покидают свою собственную точку зрения».

«...Она организует её боевые силы...» И это неверно. Социал-демократия нигде не организует «боевых сил» мелких про-

изводителей. Она организует только боевые силы рабочего класса. (6,227-228)

В положительной форме мы можем (и обязаны) указать на *консервативность* мелкой буржуазии. И *лишь в условной форме* мы должны указать на её *революционность*. (6,228)

...Мелкий промышленник, ремесленник, крестьянин... *не революционны, а консервативны*. Более того: они реакционны... (6,228)

Признание необходимости *диктатуры* пролетариата самым *тесным и неразрывным образом* связано с положением «Коммунистического манифеста», пролетариат *один только* есть действительно революционный класс. (6,229)

У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплуатируемой массы» не вызывали никакого народного движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта «горстка» гарантирует её ведение, продолжение, расширение. (6,256)

Наш прямой долг – вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по своему.

...Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она не рядилась. (6,268-269)

Пытаться же наперёд, до окончательного исхода борьбы, во время самого хода борьбы, определить, что *всего* максимума мы, пожалуй, и не добьёмся, – значит впасть в чистейшее филистерство. (6,316)

Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, «легкому» повторению того, что уже осуждено прошлым. (6,386)

Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берёт себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. (6,389)

...для уничтожения сословий требуется «диктатура» низшего, угнетенного сословия, – точно также, как для уничтожения классов вообще и пролетариев в том числе требуется диктатура пролетариата. (7,219-220)

Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу, и поэтому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда... (7,235)

...рабочие не добровольно попадают под машины, а всегда по неосторожности, но дело в том, что *нельзя быть осторожным* при 10-11-й часовой работе среди плохо огражденных машин, в плохо освещенной мастерской, среди шума и грохота, с притупленным работой вниманием, с взвинченными непосильным напряжением нервами. (7,330)

...к черту всех примирителей, людей с «неуловимыми взглядами» и мямлей!!! (46,256)

Письмо стоит ответа, ввиду того, что оно особенно рельефно освещает одну характерную черту в настроении многих нынешних революционеров. Ждать указки, требовать *всего* сверху, со стороны, извне, беспомощно разводить руками при виде неудач, испытываемых на месте благодаря неактивности, жалобы и жалобы, выдумывание рецептов, которые бы излечили это дешёво и просто.

...Поверьте, что никакие такие рецепты не подействуют *никогда!* Если вы сами не будете энергичны и поворотливы, – никто вам ничем не поможет... вы не умеете взять и распространить *даже сотой доли* той массовой литературы, которую мы сейчас издаём.... Та «популярная» литература, которая вас «пленяет» и которую «Свобода» и с.-р. издают пудами ежемесе-
ячно, есть *макулатура и шарлатанство.* (46,269-270)

...надо апеллировать не к «общественному интересу», а к угнетённому сословию. (8,83-84)

...прочный успех (вопреки шумным крикам «конкурентов»... на минуту) невозможен без устойчивого теоретического базиса программы. (8,218)

Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации... и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями её жизни, условиями её заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелкобуржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т.д.). (8,254)

Политическая партия не заслуживала бы уважения, если бы она не смела называть свою болезнь настоящим именем, ставить беспощадный диагноз и отыскивать средства лечения. (8,305)

...«В настоящее время нас опять живо интересует вопрос об *антагонизме между интеллигенцией и пролетариатом.*... Антагонизм этот есть социальный антагонизм, проявляющийся на классах, а не на отдельных личностях. Как отдельный капиталист, так и отдельный интеллигент может всецело войти в классовую борьбу пролетариата.

В тех случаях, когда это имеет место, интеллигент изменяет и свой характер.

Я перевожу слово интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literat*, *Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain worker* как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда.

...под интеллигентом разумею я лишь обыкновенного интеллигента, стоящего на почве буржуазного общества и являющегося характерным представителем класса интеллигенции.

...Этот *класс* находится в известном *антагонизме* к пролетариату.

Антагонизм этот – иного рода, чем антагонизм между трудом и капиталом. Интеллигент – не капиталист. Правда его уровень жизни буржуазный, и он вынужден поддерживать этот уровень, пока не превращается в босяка, но в то же время он вынужден продавать продукт своего труда, а часто и свою рабочую силу, он терпит нередко эксплуатацию со стороны капиталиста и известное социальное принижение. Таким образом, интеллигент не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда – не пролетарские, а отсюда вытекает известный антагонизм в настроении и в мышлении.

Пролетарий – ничто, пока он остаётся изолированным индивидуумом. Всю свою силу, все свои надежды и чаяния черпает он из *организации*, из планомерной совместной деятельности с товарищами. Он чувствует себя великим и сильным, когда он составляет часть великого и сильного организма.

...Пролетарий ведёт свою борьбу с величайшим самопожертвованием как частичка анонимной массы, без видов

на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей всё его чувство, всё его мышление.

Совсем иначе обстоит дело с интеллигентом. Он борется не тем или иным применением силы, а при помощи аргументов. Его оружие – это его личное знание, его личные убеждения. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению. Необходимость дисциплины признаёт он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам...

...идеальным образчиком такого интеллигента, какие нужны социалистическому движению, был Либкнехт. Можно назвать здесь также и Маркса, который никогда не протискивался на первое место и образцовым образом подчинялся партийной дисциплине в Интернационале, где он не раз оставался в меньшинстве. (8,309-311)

...Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и её организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технического производства). (8,379)

...Но по мере того, как складывается у нас *настоящая* партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психо-

логию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться *требовать* исполнения обязанностей члена партии не только у рядовых, но и от «людей верха». (8,383)

Оппортунист, по своей природе, уклоняется всегда от определённой и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьётся ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч. (8,393)

Шаг вперёд, два шага назад... Это бывает и в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. (8,403)

...Чем чаще, чем решительнее выступают представители так называемого общества с своими якобы общенародными требованиями, тем беспощаднее должна социал-демократия разоблачать классовый характер этого «общества». (9,132)

...новые ручьи ищут выхода немедленно и, не находя социально-демократические русла, они будут устремляться в несоциально-демократическое. (9,303-304)

Люблю я, когда люди ругаются – значит, знают, что делают, и линию имеют. (47,19)

Я всегда, как известно, был сторонником и «осадного положения» и «ежовых рукавиц», поэтому против таких мер возражать не буду. (10,166)

...Интеллигенцию всегда нужно держать в ежовых рукавицах. Она всегда стоит во главе всевозможных дряг. (10,167)

Кто борется настоящим образом, тот естественно борется за *всё*; кто предпочитает сделку борьбе, тот, естественно, наперёд указывает те «кусочки», которыми он склонен в самом лучшем удовлетвориться (в худшем случае он удовлетворяет-

ся даже отсутствием борьбы, т.е. мирится надолго с владыками старого мира). (10,197)

...Кто борется за всё, за полную победу, тому нельзя остерегаться, как бы мелкие приобретения не связали рук, не сбили с пути, не заставили забыть о том, что ещё сравнительно далёко и без чего все мелкие завоевания – одна суета сует. (10,197)

Но сейчас их *интересы* требуют свободы, свободы нельзя добыть без *народа*, а поддержку народа нельзя обеспечить себе, не называя себя «демократом» (=сторонником самодержавия народа), *не скрывая своего монархизма*. (10,259)

Кто служит делу свободы вообще, не служа специально делу пролетарского использования этой свободы, делу обращения этой свободы на пользу пролетарской борьбы за социализм, тот тем самым служит, в последнем счёте, борцом за интересы буржуазии, не более того. (10,281)

На деле внепартийность, обеспечивая кажущую самостоятельность, является наибольшей несамостоятельностью, наибольшей зависимостью от господствующей партии. (10,282)

...идя на борьбу, мы должны желать победы и уметь указать настоящий путь к ней. (11,45)

Вульгарный революционизм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории вообще или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие путчи не заменят и искусственно не вызовут. Хвостизм революционеров не понимает того, что, когда начался революционный момент, когда старая «надстройка» треснула по всем швам, когда открытое политическое выступление классов и масс, творящих себе новую надстройку, стало фактом, когда гражданская война началась, – тогда ограничиваться по старому «словом», не

давая *прямого лозунга* перейти к «делу», тогда отговариваться от дела ссылкой на «психические условия» да на «пропаганду» вообще есть безжизненность, мертвенность, резонерство, или же предательство революции и измена ей. (11,59)

Нам надо дать рабочим и всему народу ясное и недвусмысленное понятие о том, *зачем* мы хотим учреждения временно-го революционного правительства? *Какие именно преобразования* осуществим мы, если будем решающим образом влиять на власть, завтра же, при победоносном исходе начавшегося уже народного восстания? (11,69)

Но трудность не есть неисполнимость. Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает стократ революционную энергию и революционный энтузиазм, способные творить чудеса. (11,93)

Социал-демократия боролась и борется полным правом против буржуазно-демократического злоупотребления словом народ. Она требует, чтобы этим словом не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа... Но она разлагает «народ» на «классы» не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивал себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность соображениями, как бы не отшатнулись экономические владыки мира, а для того, чтобы передовой класс, не страдая от половинчатости, неустойчивости, нерешительности промежуточных классов, тем с большей энергией, тем с большим энтузиазмом боролся за дело всего народа, во главе всего народа. (11,102)

Революции – локомотивы истории, – говорил Маркс. Революции – праздник угнетённых и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В та-

кие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. (11,103)

Злоупотребление словами – самое обычное дело в политике.

...С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и категорий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. (11,121)

Про революционный народ иногда приходится сказать, как говорили римляне про Аннибала: ты умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победой! (11,157)

Крайности ни в чём не хороши, но если бы пришлось выбирать, – мы предпочли бы узкую и нетерпимую определенность мягкой и уступчивой расплывчатости. Боязнь «тирании» отпугнёт от нас только дряблые и мягкотелые натуры. (11,147)

Всякий, кто волнуется, думает, интересуется, *вынуждается* – становится в тот или иной вооруженный лагерь. Вас избьют, изувечат и убьют, несмотря на архемирный и до мелочности легальный образ ваших действий. *Революция не признаёт нейтральных.* (11,193)

Интеллигенция более способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства. Она более способна, поэтому, при всей её неустойчивости к революционной борьбе с самодержавием, *при условии сближения с народом* она может стать крупной силой в этой борьбе. Бессильная сама по себе, она могла бы дать весьма значительным слоям мелких буржуа и крестьян как раз то, чего им недостаёт: знание, программу, руководство, организацию. (11,199)

Городской и промышленный пролетариат неизбежно будет основным ядром нашей социал-демократической рабочей партии, но привлекать к ней, просвещать, организовывать мы должны всех трудящихся и эксплуатируемых, как говорит и наша программа, всех без исключения: и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босяков, и проституток, – разумеется, при том необходимом и обязательном условии, чтобы они примыкали к социал-демократии, а не социал-демократия к ним, чтобы они переходили на точку зрения пролетариата, а не пролетариат на их точку зрения. (11,223-224)

Не только в борьбе между враждебными партиями, но и в борьбе внутри социалистических партий (как мы после II съезда убедились на опыте) все обещания летят к чёрту, раз затронуты сколько-нибудь существенные интересы борющихся. (11,293-294)

Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элементов. Переворот может назреть, а сил у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, – тогда общество гниёт, и это гниение затягивается на целые десятилетия. (11,366-367)

Я удивляюсь часто, как немного нужно, чтобы люди, не вполне самостоятельные и непривычные к самостоятельной политической работе, падали духом и кисли... Не умеют бороться сами, неловки, неподвижны, неуклюжи, робки... Милые ребята, но ни к дьяволу негодные политики. Нет у них цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты.

А наш ЦК, во-1-ых, тоже не очень-то «политик», тоже добёр слишком, тоже страдает недостатком цепкости, оборотливости, чуткости, неумением политически использовать каждую мелочь в партийной борьбе... недостаёт фермента, толчков, импульсов... И всё дело страдает. В политической борьбе оставка есть смерть. (47,52-53)

Политическое безразличие есть политическая сытость. «Безразлично», «равнодушно» относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет «партийным» в вопросе о куске хлеба». безразличие и равнодушие» к куску хлеба означает не то, чтобы человек не нуждался в хлебе, а то, что человеку всегда обеспечен хлеб, что он никогда не нуждается в хлебе, что он прочно пристроился к «партии» сытых. Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерие, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров. (12,138)

...для уничтожения сословий требуется «диктатура» низшего, угнетенного сословия, – точно так же, как для уничтожения классов вообще и класса пролетариев в том числе требуется диктатура пролетариата. (12,267)

Не «всенародное сознание» определит исход борьбы, а *сила* тех или иных *классов* и элементов общества. (13,352)

Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны как непосредственной задачи грядущего выступления, значит, обманывать и себя, и народ. (13,372)

Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс. (13,376)

Оппортунист не предаёт своей партии, не изменяет ей, не отходит от неё. Он искренне и усердно продолжает служить ей. Но его типичная и характерная черта – податливость на-

строению минуты, неспособность противостоять моде, политическая близорукость и бесхарактерность. Оппортунизм есть принесение длительных и существенных интересов партии в жертву её минутным, преходящим, второстепенным интересам. (14,35)

Организованность есть единство действия, единство практического выступления.....Безыдейная организованность – бессмыслица, которая на практике превращает рабочих в жалких прихвостней власть имущей буржуазии....Поэтому сознательные рабочие никогда не должны забывать, что бывают такие серьёзные нарушения принципов, которые делают обязательным разрыв всяких организационных отношений. (14,125-126)

Пассивность, это – качество мелкобуржуазной интеллигенции, а не революции. (14,155)

Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодёжи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодёжь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильём, а на самостоятельную борьбу всегда первую пойдёт молодёжь. (14,163)

Принципиальная политика – самая практичная политика. *Только* она может действительно и прочно привлечь к с.-д.-тии симпатии массы. (14,300)

Маркс умел ценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе. (14,378-379)

...А ведь «интеллигент», не умеющий найти себе равнодушной к этим вопросам аудитории, так же похож на «демократа» и на интеллигента в хорошем смысле слова, как продавшаяся за деньги в законный брак женщина похожа на любящую жену. И здесь и там – простые разновидности официально– бла-

гоприличной и вполне легальной проституции... Левые партии это те, аудитория которых *никогда* не бывает равнодушна к общественно-политическим вопросам, как никогда не бывает голодный равнодушен к вопросу о куске хлеба. (15,252-253)

Марксизм не зарекается от компромиссов, марксизм считает необходимым использование их, но это несколько не исключает того, что марксизм в качестве живой и действительно исторической силы со всей энергией борется против компромиссов. Кто не умеет усвоить себе этого, якобы, противоречия, тот не знает азбуки марксизма. (16,9)

Ошибаетесь, почтеннейшие. Это точка зрения не общечеловеческая, а холопская. Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам.... Ваши слова о свободе и демократии – напускной лоск, а сами по себе вы – гробы поваленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаёте свои души и продаёте не только из нужды, но и из «любви к искусству». (16,40)

...милости просим, мы всецело за «объединение», за объединение для беспощадной борьбы с ренегатами революции. Не нравится? Наши дороги разошлись. (16,419)

Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. (16,420)

...мы в революции всего больше боролись против парламентского кретинизма и плехановского оппортунизма. (47,115)

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. (17,17)

Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на почве марксизма как ревизионизм. (17,19)

Что такое закон? **Выражение воли господствующих классов.** При реставрации *те же самые* классы снова станут *господствующими*. Разве их свяжет закон, товарищ Плеханов? Если бы вы подумали об этом, то вы поняли бы, что никакой закон не может связать выражение воли господствующих классов. (17,164)

...великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений. (17,360)

Рабочие-большевики должны... требовать одного: *идейной ясности, определённых взглядов, принципиальной линии*. (17,369)

Падать духом по поводу трудностей и ошибок есть малодушие, есть замена терпеливой, выдержанной, упорной пролетарской работы интеллигентским «визгом». (17,401)

Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, – вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии. (18,351)

...В общем и целом профессора-экономисты ни что иное, как учёные приказчики класса капиталистов, **и профессора философии – учёные приказчики теологов.**

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками»

(вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), – и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. (18,363-364)

Мелкобуржуазная интеллигенция в нашем движении играет большую роль, принося вместе с плюсами и минусы: вместе с разработкой вопросов теории и тактики она приносит «разработку» каждого отклонения от социал-демократического пути в особое «направление». (19,307)

Маркс говорил в 1848 и в 1871 гг., что **бывают моменты в революции, когда сдача позиций врагу без борьбы больше деморализует массы, чем поражение в борьбе.** (19,368)

Вы сильны, когда вам сочувствуют в обществе, говорят рабочим либералы. **Вам сочувствуют в обществе, когда вы сильны, говорят рабочим марксисты.** (19,404)

Чтобы не поддаваться отчаянию и разочарованию, необходимо только понять ... всю глубину источников кризиса. Через этот кризис нельзя перескочить, его нельзя обойти, его можно только изжить в упорной борьбе, ибо этот кризис не случайный, а порожденный *особым* этапом и *экономического*, и политического развития страны. (19,410)

Мы, большевики, решили твердо: *ни за что* не повторять (*и не дать* повторять) примиренческой ошибки теперь. (20,303)

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства даёт нам в изобилии Троцкий. (20,347)

А насчет осколков (*будущих!!*) не заботьтесь. Будем мы *сильны* – все придут к нам. Будем *слабы*, будем верить в слова, – нас осмеют, и только. (48,21)

Социалистический орган *должен* вести полемику: наше время – время отчаянного разброда и без полемики не обой-

тись. Вопрос, вести её живо, нападая, выдвигая вопросы самостоятельно или только обороняясь, сухо, скучно. (48,71)

Это – продолжение и повторение «Вех». Ещё и ещё раз можно и должно убедиться на примере этого рассуждения, что «Вехи» только, по-видимому, воюют с «интеллигенцией», что на деле они *воюют с демократией*, отрекаются целиком от демократии. (22,92)

Политический смысл этих фраз яснее ясного: это – поворот к *контрреволюционному либерализму*.

Надо понять, что этот поворот не случайность, а результат классового положения буржуазии. Надо сделать отсюда необходимые политические выводы относительно ясного размежевания демократии от либерализма. Без сознания этих истин, без их широкого распространения в массе населения не может речи ни о каком серьёзном шаге вперёд. (22,93)

Если я скажу: новую Россию *надо* построить *вот так-то* с точки зрения, положим, истины, справедливости, трудовой уравнительности и т.п., это будет субъективизм, который заведёт меня в область химер. **На деле борьба классов, а не мои наилучшие пожелания, определит настроение новой России.** Мои идеалы построения новой России будут нехимеричны лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определённом направлении. Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я нисколько не оправдываю действительности, а напротив указываю в *самой* этой действительности самые глубокие (хотя бы и невидные с первого взгляда) источники и силы её преобразования.

Если же я скажу: «новую Россию никто не строит, она *строится* в борьбе интересов», то я накидываю сразу некоторое покрывало на ясную картину борьбы *таких-то* классов. (22,101)

Оппортунизм не был бы оппортунизмом, если бы он способен был давать ясные и прямые ответы. Но свое недовольство политикой рабочих, свое тяготение к буржуазии оппортунизм выражает фразой: «новой России никто не строит, она *строится* в процессе интересов». (22,104)

Демократия никогда не потерпит, чтобы противопологался просто славянин турку, когда противопологать надо славянского и турецкого крестьян *вместе* – славянским и турецким помещикам и башибузукам.

Демократия никогда не допустит, чтобы *самосознание* сторонников свободы и врагов угнетения во всех народностях подменялось «русским национальным самосознанием», – при угнетении и травле поляков, евреев, «инородцев» вообще. (22,158)

Будет революция или не будет, зависит *не только* от нас. Но мы *своё* дело сделаем, и это дело не пропадёт никогда. (22,173)

Общепародно то движение, которое выражает объективные нужды всей страны, направляя тяжелые удары против центральных сил врага, мешающему развитию страны. Общепародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения. (22,283)

С которых пор *гневный* тон против того, что дурно, вредно, неверно (а ведь редакция «принципиально» согласна!), вредит ежедневной газете?? (48,78)

Всё же надо воевать, чтобы *страна* знала, в чем дело, *кто* срывает выборы, во имя *каких идей* идёт борьба. (48,95)

За попытки поносить марксизм или путать политику рабочей партии воевать будем не щадя живота. (48,141)

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся

за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов.

Сторонники реформы и улучшения всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как гнило оно не казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить *сопротивление* этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут – и по своему общественному положению *должны* – составить силу, способную смести старое и создать новое. (23,47)

В каждую борьбу за каждую злобу дня надо вкладывать *неразрывную связь с коренными целями*. (23,53)

Социализм не готовая система, которая будет облагодетельствовать человечество. Социализм есть классовая борьба теперешнего пролетариата, идущего от одной цели сегодня к другой цели завтра *во имя* своей коренной цели, приближаясь к ней с каждым днём. (23,54)

Социал-демократы не считают себя святыми; они знают, что пролетариат нередко заражается той или иной грязной болезнью от окружающей его буржуазии, – это неизбежно в грязном, омерзительном капиталистическом обществе. Но с.-д. умеют лечить свою партию прямой и безбоязненной критикой. И они вылечат её наверняка. (23,156-157)

Ни угнетение низов, ни кризис верхов не создадут ещё революции, – они создадут лишь гниение страны, – **если нет в этой стране революционного класса**, способного претворить пассивное состояние гнёта в активное состояние возмущения и восстания. (23,301)

Политическая невоспитанность россиян сказывается, между прочим, в неумении искать точных доказательств по спорным и важным вопросам, в наивном доверии к восклицаниям и выкрикам, к заверениям и клятвам заинтересованных лиц. (23,306)

Революционер – не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольших колебаниях либералов и демократов отстаивает принципы и лозунги революции. (23,309)

Становись на сторону того или иного класса, помогай сознанию и развитию той или иной классовой политики. (23,395)

...работа марксистов *всегда* «трудна», и они отличаются от либералов именно тем, что **не объявляет трудное невозможным**. Либерал называет трудную работу невозможной, чтобы прикрыть свое отречение от неё. Марксиста трудность работы заставляет стремиться к более тесному сплочению лучших элементов для преодоления трудностей. (24,24)

Люди большей частью (99% из буржуазии, 98% из ликвидаторов, около 60-70% из большевиков) не умеют *думать*, а только *з а у ч и в а ю т слова*. (48,242)

Единство – великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нужно *единство марксистов*, не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма. (25,79)

Плохую услугу оказывают рабочему движению те слабые интеллигентские друзья его, которые отмахиваются от внутренней борьбы среди с.-д. и наполняют воздух возгласами и призывами отмахнуться от неё. Добрые, но пустые это люди и пустые их возгласы. (25,101)

Что стремления одних членов данного общества идут вразрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между на-

родами и обществами, а также внутри них, а кроме того ещё смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. **Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовый борьбы.** А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается. (26,58)

Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникающая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путём приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетённого класса». (26,75)

Единство пролетариата есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию. Из этой бесспорной истины столь же бесспорно вытекает, что, когда к пролетарской партии примыкают в значительном числе мелкобуржуазные элементы, способные мешать борьбе за социалистическую революцию, единство с такими элементами вредно и губительно для пролетариата. (26,113)

Война показала, что в момент кризиса (а эпоха империализма неизбежно будет эпохой всяких кризисов) внушительная масса оппортунистов, поддерживаемая и частью прямо на-

правляемая буржуазией (это особенно важно!), перебегает на её сторону, изменяет социализму, вредит рабочему делу, губит его. (26,114)

Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистической стадии, войны неизбежны. А с другой стороны, с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.е. не империалистических войн, а таких, которые велись, например, от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнёта и создания из феодально-раздробленных – национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающая призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат **внушением доверия к гуманности буржуазии** и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран, в частности глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций. (26,165-166)

Марксистские слова стали в наши дни прикрытием полного отрешения от марксизма. (26,272)

Эксплуатируемый класс, не стремящийся к тому, чтобы иметь оружие, уметь им владеть и знать военное дело, был бы лакейским классом. Защитники разоружения в противовес народной милиции (такие «левые» имеются также и в Скандинавии: я спорил об этом с Хёгуном в 1910г.) становятся на позиции мелких буржуа, пацифистов, оппортунистов в мелких государствах. Для нас же решающей должна является точка зрения *крупных государств и революционной борьбы (т.е. также и гражданской войны)*. (49,104)

Непримиримость, готовность к восстанию «вовсе не ведёт к мечтательности, а, напротив ведёт к действиям. Социалист не будет пренебрегать ни одной из форм деятельности. Он сумеет найти новые – сообразно потребностям и условиям момента. Он требует немедленных реформ, он добивается их не пререканиями с противником, он вырывает их, как уступку у буржуазии, которой внушает страх полная энтузиазма и смелости масса». (27,9-10)

Конечно, борьба за свержение империализма трудна, но массы должны знать *правду* о трудной, но необходимой борьбе. Массы не должны быть убаюкиваемы надеждой на мир без свержения империализма. (27,33)

Именно интересы революционной борьбы *п р о л е т а р и а т а* против капитализма, а вовсе не интересы мелких народников, *требуют* защиты социалистами великих держав *права на отделение* (=право на самоопределение) угнетённых наций. Борьба за социализм есть борьба *интернационально* революционного пролетариата. (54,466)

«...так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли **высшей точки бесчеловечности**; так как человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрёл теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечной велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому выкрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*, – **именно поэтому пролетариат может и должен сам себя освободить**. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества,

сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу труда. Дело в том, *что* такое пролетариат на самом деле, и *что* он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предсказываются его собственным жизненным положением, равно как и организацией современного буржуазного общества...». (29,12-13)

«Идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса». (29,18)

«Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для **осуществления идей требуется люди, которые должны употребить практическую силу**». (29,27)

«С теоретической стороны, либерализм может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливой судьбой от материальной нужды: свобода – вещь очень приятная. Но либерализм понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлечённом праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением». (29,559)

Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом социал-демократической партии, кто отрицает или только словесно признаёт её. (30,122)

В истории всегда бывало, что имена популярных среди угнетённых классов революционных вождей после их смерти

враги их пытались присвоить себе для обмана угнетённых классов. (30,177)

Численная слабость? Но с каких это пор революционеры ставят свою политику в зависимость от того факта, в большинстве ли они или в меньшинстве? (30,267)

Политика есть *отношение* между нациями, классами и пр. (49,369)

...не надо бояться остаться в меньшинстве. (31,105)

Законы важны не тем, что они записаны на бумаге, но тем, кто их проводит. (31,110)

Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики. (31,132)

Без **привлечения женщин** к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе, нечего и говорить не только о социализме, но и полной и прочной демократии. (31,165)

...не легко быть интернационалистом на деле в эпоху ужасной империалистической войны. Таких людей мало, но *только* в них – вся будущность социализма, *только* они – *вожди масс*, а не развратители масс. (31,174-175)

Дело не в числе, а в правильном выражении идей и политики действительно революционного пролетариата. (31,177)

Кто хочет *помочь* колеблющимся, должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому. (31,179)

Дело в классе, а не в лицах. Нападать на Мелюкова лично, требовать его смещения – пустая комедия, ибо **никакая сме-**

на лиц ничего изменить не в состоянии, пока не сменились классы, стоящие у власти. (31,305)

Мы не противники революционного насилия в интересах большинства народа. (32,216)

...в политике словам не верят и хорошо делают, что не верят. (32,289)

Государство есть организация господствующего класса.

Не полагайся на обещания, полагайся только на силу объединения и сознательности своего класса! (32,379-380)

Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний. (32,441)

Демагогия? Всех в этом обвиняли во всех революциях. (32,442)

Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их *имени* для «утешения» угнетённых классов и для одурачивания их, выхолащивая *содержания* революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его....Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. (33,5)

По Марксу, государство есть орган классового *господства*. (33,7)

Энгельс развертывает понятие той «силы», которая называется государством, силы, происходящей из общества, но ставящей себя над ним и всё более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых от-

рядах вооружённых людей, имеющих в своём распоряжении тюрьмы и прочее. (33,9)

Общий итог своим взглядам Энгельс даёт в своём наиболее популярном сочинении в следующих словах:

«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определённой ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство». (33,15)

«Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством этого класса, который для своей эпохи один представлял всё общество... Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним». (33,16)

«Насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы». (33,20)

Уничтожение пролетарского государства, т.е. уничтожение всяческого государства, невозможно иначе, как путём «отмирания». (33,22)

Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов,

представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Это мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству трудящихся классов, как это и показала, например, история французских революций 1848 и 1871 годов, как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и в других странах в конце XIX и начале XX века. (33,25)

Учение о классовой борьбе, применённое Марксом к вопросу о государстве и социалистической революции, ведёт необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т.е. **власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс.** (33,26)

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его духа приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, а буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот ещё не марксист, тот может оказаться ещё не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов – значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания **диктатуры пролетариата**. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и

крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признания марксизма. (33,34)

Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма.

Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежна одна: *диктатура пролетариата*. (33,35)

...чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти. Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом **мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы всем должностным лицам в государстве до уровня «заработной платы рабочего»**. Тут как всего нагляднее сказывается *перелом* – от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетённых классов, от государства как «*особой силы*» для подавления определённого класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном – по вопросу о государстве, пожалуй наиболее важном пункте уроки Маркса забыты! В популярных комментариях – им же несть числа – об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, – вроде того как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» **первоначального христианства с его демократически-революционным духом...** Ка-

питалистическая культура *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростились и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, **сведение их жалования к обычной «заработной плате рабочего»**, эти простые и «само собой понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. (33,43-44)

Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалование не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооружённого пролетариата – вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от протитуирования этих учреждений буржуазией. (33,50)

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к не-государству) будет «организованный и господствующий класс пролетариат». (33,56)

«Анархисты колют нам глаза «народным государством»; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признаёт эти нападки *постольку* правильными, поскольку «народное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство». (33,66)

...А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе *не* могло служить мостиком для перепрыгивания на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах. (33,77-78)

...переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата. (33,86-87)

...только коммунизм создаёт полную ненужность государства, ибо *некого* подавлять, – «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определённой частью населения. (33,91)

Экономической основой полного отмирания государства является такое **высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда**, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя. (33,96)

Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно.

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. (33,98)

Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. (33,99)

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применения насилия к людям. (33,100)

...Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию (*н е д л я н а р о д а*) с бюрократизмом (*п р о т и в н а р о д а*), и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа. (33,110)

Мы не обходимся без чиновников *при капитализме*, при *господстве буржуазии*. Пролетариат угнетён, трудящиеся массы порабощены капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой народного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т.е. оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспропрированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная «бюрократизация» *даже* пролетарских должностных лиц.

...Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают *по мере* введения, кроме выборности, *ещё* сменяемости в любое время, *да ещё* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да ещё* замены парламентарных учреждений «работающими, т.е. издающими законы и проводящими их в жизнь». (33,115)

При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно отживёт, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении*. При социализме *в с е* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял. (33,116)

...мы придём к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, поставит *большинство* населения в условия, позволяющие *в с е м* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства. (33,117)

Государство нужно не для свободы, а для подавления (Niederhaltung не есть подавление, собственно, а удержание от реставрации, держание в покорности) *п р о т и в н и к о в п р о л е т а р и а т а*. (33,168)

...II Условие всего этого: сокращение рабочего дня до 8-6-4 часов; – соединение производительного труда *всех* с участием *всех* в «государственном» управлении. (33,228)

Не забудем, что вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. (34,10)

Бичуя мелкобуржуазных «социал-демократов» 1848 года, Маркс особенно жестко клеймил их безудержное фразерство насчёт «народа» и большинства народа вообще. (34,38)

Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно согласно воле большинства возможно. Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого. (34,38-39)

Революция именно тем и отличается от «обычного» положения дел в государстве, что спорные вопросы государственной жизни решает непосредственно борьба классов и борьба масс вплоть до вооруженной борьбы их. Иначе не может быть, раз массы свободны и вооружены. Из этого основного факта вытекает то, что в революционное время недостаточно выявить «волю большинства», – нет, надо *оказаться сильнее* в решающий момент в решающем месте, надо победить. (34,40)

Всякий наблюдал, конечно, как мелкие хозяйчики выбиваются из сил, тянутся «выйти в люди», попасть в настоящие хозяева, подняться до положения «крепкого» хозяина, до положения буржуазии. Пока господствует капитализм, иного выхода мелким хозяевам нет: либо перейти самим на положение капиталистов (а это возможно в лучшем случае для одного мелкого хозяйчика из сотни), либо перейти в положение разорённого хозяйчика, полупролетария, а затем – пролетария. Так и

в политике: мекобуржуазная демократия, особенно в лице её вождей, тянется за буржуазией. (34,68)

Политический шантаж есть угроза разоблачения или разоблачение фактических, а чаще вымышленных «историй» в целях политически нанести ущерб, оклеветать, отнять или затруднить противнику возможность политической деятельности. Наши республиканские, извините за выражение, даже демократические буржуа и мелкие буржуа проявили себя героями политического шантажа, лжи и клеветы против неугодных им партий и политических деятелей. **Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует грязно, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и прочее и прочее...** Большевик вообще мог бы применить к себе известное изречение поэта: *Он слышит звуки одобренья Не в сладком ропоте хвалы, А в диких криках озлобленья.*

...бешенная ненависть буржуазии часто служит лучшим доказательством правильной и честной службы пролетариату со стороны оклеветанного, травимого, преследуемого. (34,90-91)

Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут к нему, а конкретно, практически, это **покажет лишь опыт миллионов**, когда они возьмутся за дело. (34,116)

В политике добровольная уступка «влияния» доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, такую тряпчность, что «выводить» отсюда, вообще говоря, можно лишь одно: кто добровольно уступит влияние, тот «достоин», чтобы у него отняли не только влияние, но и право на существование. Или, другими словами, факт до-

бровольной уступки влияния, сам по себе, «доказывает» лишь неизбежность того, что получивший это добровольно уступленное влияние, отнимает у уступившего даже его права.

Если «революционная демократия» добровольно уступила влияние, значит это была не революционная, а мещански – подлая, трусливая, не избавившаяся от холопства демократия, которую (именно после этой уступки) смогут разгонять её враги или просто свести её на нет, предоставить ей умереть так же «по собственному желанию», как «по собственному желанию» она уступила влияние. (34,125-126)

Вопрос о твердом курсе, о смелости и решительности не есть личный вопрос, а есть вопрос о том *классе*, который способен проявить смелость и решительность. Единственный такой класс – пролетариат. Смелость и решительность власти, твердый курс её, – ни что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян. (34,206-207)

Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве. (34,207)

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на *передовой класс*. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъём народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в *рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*. (34,242-243)

...искренность заразительна, и искренне напуганный филистер способен даже отдельного революционера на время превратить в филистера. (34,296)

Довод третий: пролетариат «не сможет технически овладеть государственным аппаратом». Это, пожалуй, самый обычный, наиболее ходкий довод. Он заслуживает наибольшего внимания как по этой причине, так и потому, что он указывает на одну из самых *серьёзных*, самых *трудных* задач, стоящих перед победоносным пролетариатом. Нет сомнения, что задачи эти очень трудны, но если мы, называя себя социалистами, будем указывать на эту трудность только для того, чтобы *отмахнуться* от выполнения таких задач, то на практике наше отличие от слуг буржуазии сведётся к нулю. Трудность задач пролетарской революции должна побудить сторонников пролетариата к более внимательному и конкретному изучению способов выполнения этих задач. (34,302)

Мы не утописты. **Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством.** В этом мы согласны кадетами, и с Брешковской и Циретели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что **требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники.** Мы требуем, чтобы **обучение** делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато оно немедленно, т.е., к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту. (34,315)

Государство, милые люди, есть понятие классовое. Государство есть орган или машина насилия одного класса над другим. (34,318)

...революция, настоящая, глубокая, «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождения нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. **Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны.** (34,321)

...Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры. Ни тени смущения по поводу происходящего: одно из сражений в долгой борьбе труда с капиталом. Лес рубят – щепки летят.

«Какая мучительная вещь, эта «исключительно сложная обстановка революции» – так думает и чувствует буржуазный интеллигент.

«Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем ещё – сбросим совсем» – так думает и чувствует рабочий. (34,322-323)

...Ясно как день, что, кто боится сопротивления, кто не верит в возможность сломить это сопротивление, кто учит народ «бойтесь сопротивления капиталистов, вам не сладить с ним», тот *тем самым* призывает опять к соглашательству с капиталистами. (34,328)

А вот, когда последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разорённый крестьянин увидит – не из газет, а собственными глазами увидит, – что пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте, что эта власть не останавливается перед революционными мерами, что она берёт лишние продукты у тунеядцев и даёт голодным, что она вселяет принудительно бесприютных в квартиры богачей, что она заставляет богатых платить за молоко, но не даёт им ни капли молока, пока не снабжены им в доста-

точных размерах дети *всех* бедных семей, что земля переходит к трудящимся, фабрики и банки под контроль рабочих, что за укрывательство богатства миллионеров ждёт немедленная и серьёзная кара, – вот когда беднота увидит это и почувствует это, тогда никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, *она* победит весь мир. (34,329-330)

...то, что Энгельс называет «скрытом социализмом». (34,329)

...г. Пешехонов, это – политический друг кадетов, публики из «Единства» и «Дела народа», Брешковских и Плехановых, это – представитель кулаков и таких господ, жены и сестры которых пришли бы завтра выкалывать зонтиками глаза недобитым большевикам, если бы дошло дело до их поражения войсками Карнилова или (что совершенно одно и то же) войсками Керенского. (34,332)

...не дать себя поймать в ловушку криков о провокации, должествующих запугать большевиков и побудить их *не* брать власти. (34,334)

...если восставать, то переходи в наступление, пока силы врага разрознены, захватывай врага врасплох. (34,338)

...всякий, кому случалось работать над программами и резолюциями, знает, как часто тщательная выработка *редакции* известного пункта *вскрывает и устраняет* принципиальные неясности или разногласия. (34,381)

...вооружённое восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчинённый особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «*восстание, как и война, есть искусство*».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, обо иначе неприятель, обладающей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить в *наступление*. **«Оборона есть смерть вооруженного восстания».**

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идёт об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»*.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооружённого восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и ещё раз смелость». (34,382-383)

...с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*. (34,384)

Когда люди дадут буржуазии запугать себя, тогда, естественно, все предметы и явления окрашиваются для них в желтый цвет. Во-первых, они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, *на место* политического учёта развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом ставят субъективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, её непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно «кстати» забывают. Иногда людям бывает очень «кстати» забыть, что ответственные руководители своими колебаниями и склонностью сжечь то, чему

вчера поклонялись, вносят самые неприличные колебания и в настроения известных слоёв массы. (34,411-412)

Для восстания нужно не это, а сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца, это – с одной стороны. А с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют*, что полумерами ничего теперь спасти, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут всё, разmozжат всё даже по анархически», *если* не сумеют руководить ими в решительном бое большевики. (34,413)

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять всё. (34,436)

Чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат должен *научиться* этому, ибо сразу ему неоткуда взять такого умения. А учит только серьёзная, упорная, отчаянная борьба. (35,194)

Богатые и жулики, это – две стороны одной медали, это – два главных разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это – главные враги социализма...

Это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу – разговорами, склонность за всё на свете браться и ничего не доводить до конца есть одно из свойств «образованных людей», вытекающих вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное.

...«Не боги горшки обжигают» – эту истину должны крепче всего зарубить себя рабочие и крестьяне. (35,201-202)

...ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала всё, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения прав на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше. (35,251)

Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, – мы стояли за демократию, но, как только первые проблески социализма мы увидели во всём ходе революции, – мы решительно отстаивающие диктатуру пролетариата. (35,280)

Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно. (36,18)

Мы, может быть, делаем плохо то, что необходимо делать, но мы толкаем массы на то, что они должны делать. (36,53)

...что пролетариат есть единственный до конца революционный класс, что все остальные классы, в том числе трудящееся крестьянство, могут быть революционными, лишь поскольку

ку они переходят на точку зрения пролетариата. Это – такая основа. (36,63)

Вот на каком пути мы можем и должны достигнуть того, чтобы **сила примера** стала в первую голову моральным, а затем – и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России. (36,148)

...ибо капитал есть не сумма денег, а определённое общественное отношение. (36,179)

...чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти. (36,190)

...всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т.е. гражданской войны, означающей ещё большую разруху, чем война внешняя, – означающей тысячи и миллионы случаев колебания и перемётов с одной стороны на другую, – означающей состояние величайшей неопределённости, неуравновешенности, хаоса. И, разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо её всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. **А «показать себя» элементы разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и нужна железная рука.**

Этот исторический опыт всех революций, этот всемирно-исторический – экономический и политический – урок и подытожил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата.

...Советская власть есть ни что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и тысячи трудящихся и эксплуатируемых, которые на своём опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надёжного вождя.

...Нет достаточного сознания того, что суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), – что суд есть *орган власти* пролетариата и беднейшего крестьянства, – что суд есть орудие *воспитания к дисциплине*. (36,195-197)

Что диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов, об этом говорит непререкаемый опыт истории. (36,199)

Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, *то есть принуждения* для перехода от капитализма к социализму. (36,199)

...Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся, по отбытии 8-часового «урока» производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочнения социализма. (36,204)

Руководить трудящимися и эксплуатируемыми может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжёлых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата. (36,209)

...речь идет о том, победит ли пролетарская дисциплина и организованность, или же победит стихия мелкобуржуазных собственников, которая в России особенно сильна. (36,245)

Да, тем, что мы свергли помещиков и буржуазию, расчистили дорогу, но не построили здания социализма. Ибо на расчищенной от одного буржуазного поколения почве постоянно в истории являются новые поколения, лишь бы почва рожала, а рождает она буржуев сколько угодно. И те, кто смотрит на победу над капиталистами, как смотрят мелкие собственники, – **«они урвали, дайка и я воспользуюсь»**, – ведь каждый из них является источником нового поколения буржуев. (36,261-262)

Мы организовали при царе тысячи и при Керенском сотни тысяч. Это ничего, это не считается. Это была подготовительная работа, это был подготовительный класс. И пока передовые рабочие не научатся организовывать десятки миллионов, до тех пор они не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут. Путь организации – путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму. (36,262)

Как умоначертание этих людей, как их психология совпадает с настроением мелкой буржуазии: **богатого скинуть, а контроля не надо**. (36,264)

Прошу поставить на порядок дня вопрос об исключении из партии тех её членов, которые, будучи судьями по делу (2.V.1918) о взяточниках, при доказанной и признанной ими взятке, ограничились приговором на 1/2 года тюрьмы. Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок *позорный* для коммуниста

и революционера. Подобных товарищей надо *преследовать* судом общественного мнения и *исключать из партии*, ибо место рядом с Керенским или Мартовым, а не рядом с революционерами – коммунистами. (36,282)

Швыряться звонкими фразами – свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии – коммунисты за эту «манеру» будут карать наверное, не меньше, как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста. **Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо.** (36,290-291)

Социализм немыслим, вместе с тем, без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. (36,300)

В организации – сила рабочих и спасенье их. (36,356)

А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнём революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги. (36,361)

...Власть, которая встречает горячее сочувствие, самую решительную **поддержку бедноты, эта власть должна быть железной, потому что надвигаются неслыханные бедствия.** (36,367)

Да, рабочий класс китайской стеной не отделён от старого буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносится вон. Когда гибнет старое общества, труп его нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниёт и заражает нас самих. (36,408-409)

Надо сказать, что **главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской влас-**

ти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. (36,420)

Одно из самых больших зол нашей революции – это робость наших рабочих, которые убеждены до сих пор, что управлять государством могут только «высшие»... (36,429)

...у Советской власти нет на службе преданной интеллигенции. Интеллигенция свой опыт и знания – высшее человеческое достоинство – несёт на службу эксплуататорам и пользуется всем, чтобы затруднить нам победу над эксплуататорами; она добьется того, что сотни тысяч людей будут гибнуть от голода, но она не сломит сопротивления трудящихся. (36,452)

Мы в своей стране, где пережили две революции, знаем и видим, что **нельзя предсказать хода революции**, что нельзя её вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетённых масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя. (36,458)

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: ещё бы не изменился миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистического развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идёт, «как по писанному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние. (36,473)

Нам говорят, что когда в комиссии Дзержинского расстреливают – это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы. (А п л о д с м е н т ы). Нет, **революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смерт-**

ной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов.

Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется. (36,503-504)

...переделать жизнь десятков миллионов людей страшно трудно, для этого нужно долго и упорно работать, а эту работу мы только что начали. (36,505)

...если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны **начать с самих себя.** (50,63)

Тот не социалист, кто не понимает, что ради перехода власти к рабочим, ради *начала* международной пролетарской революции, можно и должно *не* останавливаться ни перед какими жертвами, в том числе жертвой части территории, перед жертвой тяжёлых поражений от империализма. Тот не социалист, кто не доказал *д е л а м и* своей готовности на величайшие жертвы со стороны «его» отечества, лишь бы дело социалистической революции было фактически двинуто вперёд.

Ради «своего» дела, т.е. ради завоевания мирового господства, империалисты Англии и Германии не остановились перед полным разорением и удушением целого ряда стран, начиная от Бельгии и Сербии, продолжая Палестиной и Месопотамией. Ну, а социалисты ради «своего дела», ради освобождения трудящихся всего мира от ига капитала, ради завоевания всеобщего прочного мира, они должны бояться начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех, они должны ставить выше безопасность и целостность «своего» буржуазией созданного, «отечества», по сравнению с интересами всемирной истори-

ческой революции? Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают. (37,54)

Историческая деятельность – не тротуар Невского проспекта, говорил великий русский революционер Чернышевский. Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперёд дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинками, – тот не революционер, тот не освободил себя от педанства буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры. (37,57)

Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. **Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми.** Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания. И труп буржуазного общества, как мне приходилось уже однажды указывать, нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм гниёт, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого. (37,60-61)

...есть войны, которые рабочий класс должен назвать единственно справедливыми войнами, – это борьба за освобожде-

ние от рабства, от гнёта капиталистов, и такие войны должны быть, так как иначе, как в борьбе, мы не достигнем освобождения. (37,72)

Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем. (37,77)

Побольше экономики....Есть ли на *деле* успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение несомненно» и т.п. шарлатанские фразы, на которые «мы» такие мастера)? Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?... Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоёв рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже – содрать с «него» денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путиловских рабочих и т.д.? Сколько из них мы поймали, скольких пригвоздили к позорному столбу? (37,90-91)

Каутский уверяет своих читателей – с совершенно серьёзным и чрезвычайно «учёным» видом, – что под «революционной диктатурой пролетариата» Маркс понимает не «*форму правления*», исключаящую демократию, а *состояние*, именно

«состояние» господства. Господство же пролетариата, как большинства населения, возможно при строжайшем соблюдении демократии, и, например, Парижская Коммуна, которая была как раз диктатурой пролетариата, была выбрана всеобщим голосованием. А что Маркс не имел в виду, говоря о диктатуре, «формы правления» (формы правительства, *Regierungsform*) это-де «доказывается уже тем, что он, Маркс, считал возможным для Англии и Америки переход (к коммунизму) мирным, т.е. демократическим путём». (37,20-21)

...Это – полное отречение от революции пролетариата, на место которой ставится либеральная теория «завоевания большинства», «использования демократии»! Всё, что сорок лет, с 1852 по 1891 год, проповедовали и доказывали Маркс и Энгельс о необходимости для пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, целиком забыто, извращено, выкинуто за борт ренегатом Каутским. (37,103)

...Мировой большевизм победит мировую буржуазию. (37,110)

Меньшевики и эсеры пугали нас расколом, который мы внесём в деревню организацией комитетов бедноты. Но что значит не расколоть деревню? Это значит – оставить её под кулаком. (37,179)

Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся **женщин** не примет в нём значительного участия. (37,185)

Крупный буржуа прошёл огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства при капитализме, есть ни что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа знает это из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу

этого наиболее прикрытыми) пружинами всякой буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа, по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, даже держится иллюзий насчёт того, будто демократическая республика означает «чистую демократию», «свободное народное государство», внеклассовое или надклассовое народовластие, чистое проявление народной воли и так далее и тому подобное. (37,192)

Революционный пролетариат должен знать, кого надо подавлять, с кем надо – когда и как – уметь заключать соглашения. (37,194)

Надо уметь привлечь к себе, включить в общую организацию, подчинить общепролетарской дисциплине наименее пролетарские, наиболее мелкобуржуазные слои *трудящихся*, которые поворачивают к нам. Тут лозунг момента – не борьба с ними, а привлечение их, умение наладить воздействие на них, убеждение колеблющихся, использование нейтральных, воспитание, – обстановка массового пролетарского влияния, – тех, кто отстал или совсем недавно ещё начал отделяться от «учредилловских» или «патриотически-демократических» иллюзий. (37,195)

Нам пришлось разбить мелкобуржуазную иллюзию о том, что народ есть нечто единое и что народная воля может быть выражена в чем-либо ином, вне классовой борьбы. (37,214)

Мы говорили о диктатуре пролетариата, что пролетариат должен быть господствующим над всеми остальными классами. Мы не можем уничтожить различия между классами до полного введения коммунизма. (37,219)

...мы знаем, что мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно, хо-

дом событий, убеждать в неизбежности социализма. Эти элементы никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет. (37,219)

Опирайтесь на интеллигенцию мы не можем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту. Другой опоры у партии коммунистов быть не может. Но одно дело опираться на класс, представляющей собой диктатуру, а другое дело господствовать над другими классами. (37,221)

...разумнее договориться с мелкобуржуазной демократией, в особенности с интеллигенцией, – это наша задача. Конечно, мы договоримся на нашей платформе, мы договоримся как власть. (37,228)

Но раз эти люди прибегают к нам и говорят: мы согласны жить в добрососедских отношениях, встречайте их радушно, нужно взять протянутую руку, рука от этого не отвалится. Мы не забудем, что, если завтра ударят англо-французские империалисты, они отвернутся и первые побегут. Но, когда эта партия, эти буржуазные элементы не бегут, мы повторяем: тут нужно с ними сближение. (37,231-232)

Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами. (37.245)

Пролетарская демократия *в миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

...Не заметить этого мог только человек, который не способен *поставить вопроса* с точки зрения *угнетённых* классов. (37,257-258)

Каутский с учёностью учнейшего кабинетного дурака или с невинностью 10-летней девочки вопрошает: зачем бы

это нужна была диктатура, ежели есть большинство? А Маркс и Энгельс разъясняют: Затем, чтобы сломать сопротивление буржуазии, затем, чтобы внушить реакционерам страх, затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии, затем, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников. (37,261-262)

Без «дезорганизации» армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. (37,295)

...Но мы управляем теперь всей Россией, **и враг нам только тот, кто живет чужим трудом.** Остальные нам не враги. они только колеблющиеся. Но колеблющиеся ещё не враги. (37,382)

Буржуазия вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или демократией (буржуазную) демократическую республику, на деле представляющую из себя диктатуру буржуазии. (37,390)

...Это будет заменой буржуазного государства *пролетарским* государством, каковая замена есть единственный путь к отмиранию государства вообще. (37,392)

...мелкие хозяйчики неизбежно остаются колеблющимися, бессильными, глупыми мечтателями о «чистой», т.е. внеклассовой или надклассовой, демократии. (37,392)

Политическое недоверие к представителям буржуазного аппарата законно и необходимо. Отказ использовать их для дела управления и строительства есть величайшая глупость, несущая вред коммунизму. (37,410)

Вопрос стоит так и только так. Либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, демократией и т.п. буржуазным обманом, которым ослепляют дураков и которым могут теперь козырять и щеголять только люди, насквозь и по всей линии ставшие ренегатами социализ-

ма, – либо диктатура пролетариата для того, чтобы железной рукой подавить буржуазию, натравливающую самые несознательные элементы на лучших вождей всемирного пролетариата. (37,438)

...социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов. Мы к этому пошли, но мы до этого ещё не дошли.

...Мы увидим, что мы можем эту задачу разрешить, научить неизмеримо большие массы трудящихся такому делу, как управление государством и управление промышленностью, развить практическую работу, разрушить то, что в течение веков и десятилетий вкоренялось в рабочие массы, – тот вредный предрассудок, что дело управления государством – есть дело привилегированных, что это есть особое искусство. (37,451-452)

Старая, т.е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. (37,500)

Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надёжных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. (50,143-144)

Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все *на годы* запомнили. (50,219)

Опубликовать в газетах и листовками, дабы все работники центрзакупов и продорганов знали, что за формальное и бюрократическое отношение к делу, за неумение помочь голодающим рабочим репрессия будет суровая, вплоть до расстрела. (50,238)

Хлеб от крестьян Вы обязаны принимать днём и ночью. Если подтвердится, что Вы после 4 часов не принимали хлеба, заставляли крестьян ждать до утра, то Вы будете расстреляны. (50,238)

Революция подвергается самым серьёзным испытаниям на деле, в борьбе, в огне. Если ты угнетён, эксплуатируем и думаешь о том, чтобы скинуть власть эксплуататоров, если ты решил довести дело до конца, то ты должен знать, что тебе придётся выдержать натиск эксплуататоров всего мира; и если ты готов этому натиску дать отпор и пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер; в противном случае тебя раздавят. (38,52)

Мы, конечно, не против насилия; мы над теми, кто относятся отрицательно к диктатуре пролетариата, смеёмся и говорим, что это глупые люди, не могущие понять, должна быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. Кто говорит иначе – либо идиот, либо политически настолько безграмотен, что его не только на трибуну, но и просто на собрание пускать стыдно. (38,56)

Но глупо воображать, что одним насилием можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества. Вздор! Мы, как партия, как люди, научившиеся кое-чему за этот год советской работы, в эту глупость не впадаем и от неё массы будем предостерегать.... **Нам строить коммунизм не из чего, как только из того, что создал капитализм.** Надо не выкидывать, а сломить сопротивление, наблюдая за ними на каждом шагу, не делая никаких политических уступок, на которые бесхарактерные люди поддаются ежеминутно. (38,58)

Господствующий класс никогда не отдаст своей власти классу угнетённому. Но последний должен доказывать на

деле, что он не только способен свергнуть эксплуататоров, но и организовать для самозащиты, поставить на карту всё. (38,138-139)

...Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как её делать до конца! Как будто это знание почерпнется из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение. (38,141)

...программа должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное, только тогда она – программа марксистская. (38,154)

Мы обязаны исходить из того марксистского положения, которое всеми признаётся, что программа должна быть построена на научном фундаменте. Она должна объяснить массами, как коммунистическая революция возникла, почему она неизбежна, в чём её значение, её сущность, её сила, что она должна решить... В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся. (38,178-179)

...либо диктатура буржуазии, либо власть и полная диктатура рабочего класса, нигде середина не могла ничего дать, и нигде из неё ничего не выходило. (38,253)

...Если люди верят в учредилку, мы им говорим: «Верьте, господа, не только в учредилку, но и в бога, но делайте вашу работу и не занимайтесь политикой». (38,253-254)

Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше – посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? – Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы – я признаю себя виновным, а интересы рабочих выиграют. (38,295)

Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная сущность её в организации и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата. Его цель – создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. (38,385)

Уничтожение классов – дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях ещё ожесточённое.

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетённых классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразёрством насчёт свободы и равенства вообще. (38,386-387)

Мало того. Только тот из угнетённых классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединён, воспитан, закалён десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, – только тот класс... в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у «интеллигенции» – только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку. (38,387-388)

В противоположность буржуазной демократии, скрывающей классовый характер её государства, Советская власть открыто признаёт неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть. (38,424)

Советское государство сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальной округ, а производственная единица (завод, фабрика). (38,425-426)

По-видимому, Булатов арестован за жалобу мне. Предупреждаю, что за это представителей губисполкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела. (50,318)

...Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является исторический класс, созданный, организованный, сплочённый, обученный, просвещённый, закалённый крупным капитализмом. Этот класс – пролетариат.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определённый класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, про-

мышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметив в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово – более высокую, дальнейшую ступень его).

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в её значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. **Классы, это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства.**

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить ещё и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и умственного труда. **Это – дело очень долгое.** Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперёд в развитии производительных сил, надо пре-

одолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками. Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарковского социалиста. (39,13-15)

...Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «благородного чеаека», сразу и безошибочно определяет: «По всей вероятности, мошенник». (39,22-23)

...Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что ей нужно! Как «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров их газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости! Наша пресса не заботится, или почти совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при *образцовой коммунистической работе*, может быть достигнуто, может быть распространено на всё общество, на всех трудящихся. (39,25)

Совершенно неизбежно, что к партии правящей примазывались авантюристы и прочие вреднейшие элементы. Ни одной революции без этого не было и быть не может. Всё дело в том, чтобы правящая партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела производить чистку своих рядов. (39,27)

Учение о государстве служит оправданием общественных привелегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма, – вот почему ожидать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность, могут здесь дать вам точку зрения чистой науки, – это величайшая ошибка. В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите, когда познакомитесь с вопросом и вникните в него достаточно, всегда увидите борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства. (39,66-67)

Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляются классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые. (39,68)

...государство сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления. Когда появляется такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилью – в тюрьмах, в особых отрядах людей, войск и пр., – тогда появляется государство. (39,69)

Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим. (39,73)

Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы. (39,75)

Не только сознательные лицемеры, учёные и попы поддерживают и защищают эту буржуазную ложь, что государство свободно и призвано защищать интересы всех, но и массы людей, искренне повторяющих старые предрассудки. (39,82-83)

Ту машину, которая называлось государством, перед которой люди останавливаются с суеверным почтением и верят старым сказкам, что это есть общенародная власть, – пролетариат эту машину отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь. Мы эту машину отняли у капиталистов, взяли себе. Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию, и, когда на свете не останется возможности эксплуатировать, не останется владельцев земли, владельцев фабрик, не будет так, что одни пресыщаются, а другие голодают, – лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, мы отдадим эту машину на слом. Тогда не будет государства, не будет эксплуатации. Вот точка зрения нашей коммунистической партии. (39,84)

Нет ни одной страны в мире, самой передовой и самой «свободной» из буржуазных республик, где бы не царил террор буржуазии, где бы не запрещалась свобода агитации за социалистическую революцию, пропаганды и организованной работы в этом именно направлении. Партия, которая доньше не признала этого при господстве буржуазии и не ведёт систематической, всесторонней *нелегальной* работы, вопреки законам буржуазии и буржуазных парламентов, есть партия предателей и негодяев, которые словесным признанием революции обманывают народ. (39,101-102)

Пока есть классы, свобода и равенство классов есть буржуазный обман. Пролетариат берёт власть, становится го-

сподствующим классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет все попытки всех других классов вернуться к капитализму, даёт *настоящую* свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при *отмене* частной собственности на средства производства), дает им не «права» только, а *реальное* пользование тем, что отнято у буржуазии. Кто не понял *этого* содержания диктатуры пролетариата (или, что то же, Советской власти или демократии пролетарской) тот всуе приемлет это слово. (39,109)

...даже лучшие из меньшевиков и эсеров защищают как раз *колчаковские* идеи, помогающие буржуазии и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело. Эти идеи: народовластие, всеобщее, равное, прямое избирательное право, Учредительное собрание, свобода печати и прочее. (39,156-157)

Либо диктатура (т.е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса. Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентники, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. **Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата.** Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот безнадежный идиот. А в России мы все видели, как мечтали о середине меньшевики и эсеры при керенщине и под Колчаком.

Кому послужили эти мечты? Кому помогли они? – Колчаку и Деникину. Мечтатели о середине – пособники Колчака. (39,158)

Никогда не бывало и никогда не может быть такой классово-вой борьбы, когда бы *часть* передового класса не оставалась на стороне реакции. (39,189)

Для полного освобождения женщины и для действительно-го равенства её с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина.

Конечно, здесь речь идёт не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т.д., а речь идёт о том, чтобы женщина не была угнетена её хозяйственным положением в отличие от мужчины. Вы все знаете, что даже при полном равноправии остаётся всё же эта фактическая придавленность женщины, потому что на неё сваливают всё домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина. Это труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины. (39,201-202)

Диктатура пролетариата есть единственный шаг к равенству и демократии *на деле*, не на бумаге, а в жизни, не в политической фразе, а в экономической деятельности. (39,217)

Только негодяи и дурочки могут думать, что пролетариат сначала должен завоевать большинство при голосованиях, производимых *под гнётом буржуазии*, под гнётом наёмного рабства, а потом должен завоевать власть. Это верх тупоумия или лицемерия, это – замена классовой борьбы и революции голосованиями при старом строе, при старой власти. (39,219)

Диктатура пролетариата есть *п р о д о л ж е н и е* классовой борьбы пролетариата, в новых формах. В этом гвоздь, этого не понимают.

«Спецы». Не только подавление сопротивления, не только «нейтрализация», но взятие на работу, принуждение служить пролетариату. (39,263-264)

Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения всё, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя. И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. **Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата.**

Классы остались, но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы. (39,279)

Энгельс давно разъяснил в «Анти-Дюринге», что понятие равенства, будучи слепком с отношений товарного производства, превращается в предрассудок, если не понимать равенства в смысле *уничтожения классов*. Эту азбучную истину об отличии буржуазно-демократического и социалистического понятия равенства постоянно забывают. (39,281)

Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще. Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте: Равенство какого пола с каким полом? Какой нации с какой нацией?

– *Какого класса с каким классом?*

– Свобода от какого ига или от ига какого класса? Свобода для какого класса? (39,286)

...А коммунизм, если брать это слово в строгом значении, есть безвозмездная работа на общественную пользу. (39,360)

Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу. (39,380)

Ни крестьян, ни рабочих, все работники. (39,449)

Мы изучили, на основании данных о выборах в Учредительное собрание, три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру.

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство *не*пролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий. Главное именно в этом. (40,10-11)

Только иллюзия мелкобуржуазных демократов, «социалистов» и «социал-демократов», как их главных современных представителей, может воображать, что при капитализме трудящиеся массы в состоянии приобрести столь высокую сознательность, твердость характера, проницательность и широкий политический кругозор, чтобы иметь возможность *одним голосованием* решить или вообще как бы то ни было *наперёд решить*, без долгого опыта борьбы, что они идут за таким-то классом или за такой-то партией.

Это иллюзия. Это слащавая побасенка педантов и слащавых социалистов типа Каутских, Лонге, Макдонольдов.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал массы на состояние забитости, задавленности, запуганности, расплётности (деревня!), темноты; если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обма-

на, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т.д.

...Неизбежны *колебания* непролетарских трудящихся слоёв, неизбежен их собственный *практический опыт*, позволяющий *сравнить* руководство буржуазии и руководство пролетариата... На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает *гражданская война*, а в этой войне гигантское значение имеет *опыт* непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии. (40,15-16)

...3. Участие в буржуазном парламентаризме необходимо для партии революционного пролетариата ради просвещения масс, достигаемого выборами и борьбой партий в парламенте. Но ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента или считать эту последнюю высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата.

...5. Это непонимание состоит в особенности в следующем: забывают, что буржуазные партии господствуют в громадной степени благодаря обману ими масс населения, благодаря гнёту капитала, к чему присоединяется еще сомообман насчёт сущности капитализма, самообман, более всего характерный для мелкобуржуазных партий, которые обычно хотят замечать классовую борьбу более или менее прикрытыми формами примирения классов...

...7. Во всех капиталистических странах, наряду с пролетариатом или с той частью пролетариата, которая создала свои революционные задачи и способна бороться за их осуществление, имеются многочисленные несознательно-пролетарские, полупролетарские, полумелкобуржуазные слои трудящихся масс, которые идут за буржуазией и за буржуазной демократи-

ей (в том числе за «социалистами» II Интернационала), будучи обмануты ею, не веря в свои силы или в силы пролетариата, не сознавая возможности получить удовлетворение своих насущнейших нужд за счёт экспроприации эксплуататоров.

Эти слои трудящихся и эксплуатируемых дают авангарду пролетариата союзников, с которыми он имеет прочное большинство населения, но завоевать этих союзников пролетариат может лишь при помощи такого орудия как государственная власть, то есть лишь после низвержения буржуазии и разрушения её государственного аппарата.

8. Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме... (40,20-24)

Диктатура слово большое, жесткое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох.

Таких слов на ветер бросать нельзя. (40,135)

...Фразы о меньшинстве и большинстве, о демократии и свободе ничего не решают, как бы ни указывали на них герои прошлого исторического периода. Тут решают сознательность и твердость рабочего класса. Если он готов к самопожертвованию, если он доказал, что он решает задачу. Всё для решения этой задачи. Решимость рабочего класса, его непреклонность осуществить свой лозунг – «мы скорее погибнем, чем сдадимся» – является не только историческим фактором, но и фактором решающим, побеждающим. (40,249)

Не надо забывать тем, кто особенно клеветает на большевиков, что диктатура означала больше всего голода для самих рабочих, которые её осуществляли. (40,296)

...марксизм есть теоретическое обоснование уничтожения классов. (40,303)

Надо организовать труд по-новому, создать новые формы привлечения к труду, подчинения трудовой дисциплине. Эту задачу даже капитализм решал десятилетиями. Тут сплошь и рядом делаются грубейшие ошибки...Власть можно удержать при известных условиях политического момента, энтузиазмом рабочих, может быть вопреки всему миру. Мы это доказали. Но создать новые формы общественной дисциплины, это – дело десятилетий. (40,305)

Недостатки, ошибки и промахи в таком новом, таком трудном, таком великом деле неизбежны.

Счастье наше, что, низвергнув буржуазию и подавив её сопротивление, мы могли завоевать себе почву, на которой такая работа *стала возможной*. (40,316)

Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться. (40,327)

А если большевизм сумел победить в 1917-1920 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм ещё с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость, и подлость социал-шовинизма «каусканства». (41,11-12)

Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская против сил и традиций старого общества. (41,27)

Разумеется, в политике, где дело идёт иногда о крайне сложных – национальных и интернациональных – взаимоотно-

ношениях между классами и партиями, очень много случаев будет гораздо более трудных, чем вопрос о законном «компромиссе» при стачке или о предательском «компромиссе» штрейбхера, изменника вождя и т.п. Сочинить такой рецепт или такое общее правило («никаких компромиссов»), которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться.

Наивные и совсем неопытные люди воображают, что достаточно признать допустимость компромиссов *вообще*, – и будет стёрта всякая грань между оппортунизмом, с которым мы ведём и должны вести непримиримую борьбу, – и революционным марксизмом, или коммунизмом. Но таким людям, если они ещё не знают, что *все* грани, и в природе, и в обществе подвижны и до известной степени условны, нельзя ничем помочь кроме длительного обучения, воспитания, просвещения, политического и житейского опыта. В практических вопросах политики каждого отдельного или специфического исторического момента важно уметь выделить те, в которых проявляется главнейший вид недопустимых, предательских, воплощающих губительный для революционного класса оппортунизм, компромиссов и на разъяснение их, на борьбу с ними направить все усилия.

В каждом классе, даже в условиях наиболее просвещённой страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положение исключительно высокого подъёма всех душевных сил, всегда есть – и, пока существуют классы, пока полностью не укрепилось, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно *будут* – представители класса *не* мыслящие и мыслить не способные. Капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это было не так. (41,51-53)

Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, – так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадёжного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грамма в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*. (41,55)

Связывать себе руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружён лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать «лавирование, соглашательство, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения. (41,61-62)

Но автор, видимо, не учитывает того, что политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не даётся и что пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе своих пролетарских, «классовых политиков», и таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных. (41,65)

«Без компромиссов вперёд, не сворачивая с пути», если это говорит заведомо бессильное меньшинство рабочих, которое знает (или во всяком случае должно знать), что большинство через короткий промежуток времени, при условии победы Гендерсона и Сноудена над Ллойд Джорджем и Черчиллем, разочаруется в своих вождах и перейдёт к поддержке коммуниз-

ма (или во всяком случае к нейтралитету и большей частью благожелательному нейтралитету по отношению к коммунистам), – такой лозунг явно ошибочен. Это все равно, как если бы 10 000 солдат бросились в бой против 50 000 неприятеля, когда следует «остановиться», «свернуть с дороги», даже заключить «компромисс», лишь бы дожидаться имеющих подойти 100 000 подкрепления, которые сразу выступить не в состоянии. Это – интеллигентское ребячество, а не серьёзная тактика революционного класса. (41,69)

С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддержать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетённых капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков основной закон всех великих революций. (41,77-78)

История вообще, история революции в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, равностороннее. живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъёма и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлёстываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два очень важных вывода: первый, что ре-

волюционный класс для осуществления своей задачи должен овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания); второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другой.

Всякий согласится, что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приёмами борьбы, которые есть и могут быть у неприятеля. Но к политике это ещё более относится, чем к военному делу. В политике ещё меньше можно знать наперёд, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас. Не владея всеми средствами борьбы, мы можем потерпеть громадное – иногда даже решающее – поражение, если независимые от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы. Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка, раз мы представляем интересы действительно передового, действительно революционного класса. (41,80-81)

Мы не знаем и не можем знать, какая искра – из той бездны искр, которые отовсюду сыплются теперь во всех странах, под влиянием экономического и политического всемирного кризиса, – окажется в состоянии зажечь пожар, в смысле особого пробуждения масс, и мы обязаны поэтому с нашими новыми, коммунистическими принципами приняться за «обработку» всех и всяких, даже наиболее старых, затхлых и поэтому и по-видимому безнадёжных попрощ, ибо иначе мы не будем на высоте задачи, не будем всесторонни, не овладеем всеми вида-

ми оружия, не подготовимся ни к победе над буржуазией (которая все стороны общественной жизни устроила, – а теперь и расстроила – по буржуазному), ни к предстоящей коммунистической реорганизации всей жизни после победы. (41,85)

Раскол всё же лучше, чем путаница, мешающая и идейному, теоретическому, революционному росту, созреванию партии, и её дружной, действительно организованной, действительно подготовляющей диктатуру пролетариата, практической работе. (41,93)

...придётся при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции. (41,102)

...самое опасное – это недооценивать противника и успокоится на том, что мы сильнее. Это самое опасное, что может вызвать поражение на войне, и это самая худшая черта русского характера, которая сказывается в хрупкости и дряблости. Важно не только начать, но нужно выдержать и устоять, а этого наш брат россиянин не умеет. И только длительной выучкой, пролетарской дисциплинированной борьбой против всякого шатания и колебания, только посредством такой выдержки можно довести российские трудящиеся массы, чтобы они от этой скверной привычки могли отделаться. (41,144)

Потому что Юденич, Колчак и Деникин были разбиты, русский человек начинает проявлять свою природу и идет отдыхать и дело распускается; он губит потом десятки тысяч своих товарищей из-за своей неряшливости. Вот черта русского характера: когда ни одно дело до конца не доведено, он всё же, не будучи подтягиваем из всех сил, сейчас же распуска-

ется. Надо бороться беспощаднейшим образом с этой чертой. (41,144)

...Тут все сентиментальности, всякая болтовня о демократии должны быть выкинуты вон. (41,147)

Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закалённых опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие, – только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска. (41,187)

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. (41,311)

Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революций или ничего не хочет знать в этой области. (41,369)

Без подготовки диктатуры нельзя быть революционером *на деле*. (41,373)

С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатуры и понятие демократии исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической

арене мелкую свару разных кружков и категорий буржуазии, буржуа понимают под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. (41,373-374)

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. (41,375)

Политика – это борьба между классами. (41,406)

...вытеснять этих представителей рабочей аристократии или обуржуазившихся рабочих со всех постов и заменять их хотя бы даже самыми неопытными рабочими, лишь бы они были связаны с эксплуатируемой массой и пользовались её доверием в борьбе с эксплуататорами. Диктатура пролетариата потребует назначения именно таких, не имеющих опыта, рабочих на самые ответственные посты, иначе власть рабочего правительства будет бессильна, и оно не будет поддержано массами. (41,420)

Выделять реформистов; разоблачать их систематически; разъяснять массам ошибки и слабости их. Иначе *не* подготовиться к диктатуре пролетариата. (41,441)

Оппортунизм состоит в том, чтобы жертвовать коренными интересами, выгадывая временные частичные выгоды. Вот в чём гвоздь, если брать теоретическое определение оппортунизма. (42,58)

Смешно думать, что капитализм более крепкий не отнимает у капиталиста более слабого всего награбленного последним.... На что же тогда они будут годны? Но при таком положении можем ли мы остаться равнодушными и только сказать, как коммунисты: «мы будем пропагандировать коммунизм внутри этих стран». Это правильно, но это не все, Практическая задача коммунистической политики есть задача использования этой вражды, стравливая их друг с другом. (42,61)

...Пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут: либо тот, либо другой в конце концов победит; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо – по мировому капитализму. (42,76)

Политический руководитель отвечает не только за то, как он руководит, но и за то, что делают руководимые им. Этого он иногда не знает, этого он часто не хочет, но ответственность ложится на него. (42,218)

...Надо *изучать* и то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных проверке со всех сторон. Кто верит на слово, тот безнадёжный идиот, на которого машут рукой. Если *нет* документов, нужен допрос свидетелей *обеих* или нескольких сторон и обязательно «допрос с пристрастием» и допрос при свидетелях. (42,235)

Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-1-х, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-2-х, рабочее государство с бюрократическим извращением. (42,239)

...верхом распада *идейного* являются тезисы Бухарина и К°. Здесь осуществлён «поворот» из тех, про которые марксисты в давние времена острили:» поворот не столько исторический, сколько истерический». В тезисе 17 читаем: «...в настоящее время необходимо сделать эти кандидатуры обязательными» (именно: кандидатуры профсоюзов в соответствующие «главки и центры»).

Это – полный разрыв с коммунизмом и переход на позицию синдикализма. Это, по сути дела, повторение шляпниковского лозунга «осоюзить государство»; это – передача аппарата ВСНХ, по частям, в руки соответственных профсоюзов. Сказать: «я выставляю *обязательные* кандидатуры» и сказать: «я назначаю» – одно и то же.

Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготавливая, обучая, воспитывая эту массу («школа» коммунизма), сначала рабочих, а затем и крестьян, для того, чтобы она могла прийти и пришла бы к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством.

Синдикализм передаёт массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не видя длительной работы, ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению *на деле* управления в их руках *всем народным хозяйством*. (42,240-241)

...Напротив. Есть объективная логика фракционной борьбы, которая даже лучших людей, если они настаивают на занятой ими неправильной позиции, неизбежно приводит к положению, ничем фактически не отличающемуся от беспринципной демагогии. Этому учит вся история фракционных войн (пример: объединение «вперёдовцев» и меньшевиков против большевиков). Именно поэтому надо изучать не только абстрактную сущность разногласий, но и конкретное развёртывание и видоизменение их в развитии разных этапов борьбы. (42,242)

Нет класса, который может нас скинуть: за нас большинство пролетариев и бедноты деревни. Никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок. (42,249)

5) мобилизовать *всех* без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-математический факультет и пр. Обязанность: в неделю не менее 2 (4?) лекций, обучить *не менее* (10-50?) человек электричеству. Исполнишь – премия. Не исполнишь – тюрьма;

6) написать *срочно* несколько популярных брошюр (частью перевести с *немецкого*) и переделать «книгу» (Вашу) в ряд бо-

лее популярных очерков для обучения в школе и чтения крестьянам. (52,38)

...белогвардейцы стремятся и умеют перекрасится в коммунистов и даже наиболее левых коммунистов, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. (43,90)

Мысли, речи и предположения об исчезновении классов до коммунизма Маркс и Энгельс высмеивали беспощадно и говорили, что только коммунизм есть уничтожение классов. (43,99)

Будет диктатура пролетариата. Потом будет бесклассовое общество. Маркс и Энгельс беспощадно боролись с людьми, которые забывали о различии классов, говорили о производителях, о народе или о трудящихся вообще. Кто сколько-нибудь знает произведения Маркса и Энгельса, тот не может забыть, что через все эти произведения проходит высмеивание тех, кто говорит о производителях, о народе, о трудящихся вообще. (43,100)

Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берёт его один. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие только тогда имеет смысл, когда один класс знает, что он один берёт себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчёт «общенародной, общевыборной, всем народом освящённой» власти. (43,132)

Взять меньшевиков и эсеров, т.е. партию мелкой буржуазии и кулаков. Эти партии больше всего кричали в течение самых острых моментов гражданской войны, что большевики затеяли дело сумасбродное, что удержаться в гражданской войне, когда на помощь белогвардейцам пришли все державы, нельзя. В самом деле, задача была чрезвычайно трудная, требовавшая напряжения всех сил, и была успешно выполнена только потому, что те жертвы, которые вынесли за это время рабочий

класс и крестьянство, были, можно сказать, сверхъестественными. Никогда такого недоедания, такого голода, как в течение первых лет своей диктатуры, рабочий класс не испытывал. (43,150-151)

Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной хозяйственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов...

Социализм немыслим вместе с тем без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. (43,210-211)

Коммунисты у нас до сих пор мало умеют понять свою настоящую задачу управления: не «самим» стараться «всё» делать, надрываясь и не успевая, берясь за 20 дел и не кончая на одного, а проверять работу десятков и сотен помощников, налаживать проверку их работы снизу, т.е. настоящей массой; *направлять* работу и *учиться* у тех, у кого есть знания (спецов) и опыт налаживания крупного хозяйства (капиталисты). (43,242)

Колеблющихся много. Нас мало. Колеблющиеся разъединены, мы объединены. Колеблющиеся экономически несамостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблющиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим. И поэтому мы победим. (43,243)

Буржуазия до сих пор ведёт борьбу против нас. Многих их них выслали за границу под покровительство Мюликова, но ещё много тысяч существует тут, ведя против нас войну по всем правилам бюрократического искусства. А вы против этого, товарищи, как воюете? Вы думаете, что голыми руками можно взять этот «южбум» и т.д.

...Это война и, конечно, связана подчас и с поражениями. Но где же это видано, чтобы даже самые победоносные войны обходились без поражений? Так и здесь возможны поражения, но борьбу вести нужно.

...Это штука хлопотливая, конечно, скажет всякий. Пожалуй кто-то и обидится. Так рассуждают многие, а пожаловаться, анекдот рассказать, на это есть сила. И в этих анекдотах, в конце концов, теряется грань между анекдотами и теми сплетнями, которые печатаются в заграничных журналах меньшевиков и эсеров. (43,327-328)

Либо белогвардейский террор, либо руководство (все более мягкое) пролетариата, его *диктатура*.

Ст р а ш н о е в слове «диктатура»? (43,384)

...«Сбросить» «бюрократический нарыв», как Вы в другом месте выражаетесь, – это неверно в самой постановке вопроса. «Сбросить» нарыв такого рода *нельзя*. Его можно лишь *лечить*. Хирургия в *этом* случае абсурд, *невозможность*; только *медленное лечение* – всё остальное шарлатанство или наивность.

...Бюрократы – ловкачи, многие мерзавцы из них – архи-пройдохи. Их голыми руками не возьмешь. Правильно ли Вы боролись? по всем правилам военного искусства *окружили* «врага»? Я не знаю. (52,193-194)

...из пролетариев по профессии не раз выходили в жизни размагниченные мелкобуржуазные интеллигенты по их действительной классовой роли. Размагниченный мелкобуржуазный интеллигент хныкает, плачется, теряется перед любым проявлением безобразия и зла, лишается самообладания, повторяет любую сплетню, пыжится говорить нечто несвязное о «системе». Пролетарий (не по бывшей своей профессии, а по действительной классовой роли), видя зло, берётся деловым образом за борьбу: поддерживает открыто и официально хоро-

шого работника Ивана, предлагает сменить плохого Петра, возбуждает дело – и ведёт его энергично, твёрдо, до конца – против проходимца Сидора, против протекционистской выходки Тита, против преступной сделки Мирона, вырабатывает (после 2-3 месяцев обучения новой работе и практического ознакомления с новой средой) деловые, практические предложения: ввести такую-то систему комиссаров и политкомов, изменить так-то порядки здесь, откомандировать столько-то заведомых коммунистов (со стажем таким-то) на такие-то места.

Вот такие пролетарии, даже потеряв свою пролетарскую профессию, умели строить Красную Армию и побеждать с ней (вопреки тысяче изменников и проходимцев, кои были и остались тысячами среди военспецов и военных бюрократов).

Вот такие пролетарии никогда не дойдут до классовой роли размагниченного мелкобуржуазного интеллигента, беспомощно мечущегося, пасующего перед сплетней, называющего обрывки сплетен «системой». (52,228)

Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение её в новой форме и новыми орудиями. Пока остаются классы, пока свергнутая буржуазия удесятерит свои атаки на социализм в международном масштабе, до тех пор эта диктатура необходима. (44,10)

Основные положения и цели – две разные вещи: ведь в целях с нами будут согласны и анархисты, потому что и они стоят за уничтожение эксплуатации и классовых различий.

В своей жизни я встречался и разговаривал с немногими анархистами, но всё же видел их достаточно. Мне подчас удавалось сговариваться с ними насчёт целей, но никогда по части принципов. **Принципы – это не цель, не программа, не тактика и не теория. Тактика и теория – это не принципы.** Что отличает нас от анархистов в смысле принципов? Принципы коммунизма

закljučаются в установлении диктатуры пролетариата и в применении государственного принуждения в переходный период. Таковы принципы коммунизма, но это не его цель. (44,24)

Мы не должны скрывать наши ошибки перед врагом. Кто этого боится, тот не революционер. Наоборот, если мы открыто заявим рабочим: «Да, мы совершили ошибки», то это значит, что они не будут повторятся и что мы лучше сумеем выбрать момент. (44,33)

Задача социализма состоит в том, чтобы уничтожить классы. (44,39)

Левая ошибка есть просто ошибка, она невелика и легко исправима. Если ошибка касается решимости выступить, то это отнюдь не маленькая ошибка, но предательство. Эти ошибки не сравнимы. Теория, что мы совершим революцию, но только после того, как выступят другие, – в корне ошибочна. (44,61)

Буржуазия (во всём мире) ещё сильнее нас и во много раз. Дать ей *ещё* такое, как свобода политической организации (=свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчить дело врагу, помочь классовому врагу.

Мы самоубийством кончать не желаем и поэтому этого не сделаем. (44,79)

А я не могу не питать известного недоверия к тем, кто пришёл к большевизму *лишь после* его победы в России и ряда побед на международной арене. (44,92)

Кто боится поражения перед началом великой борьбы, тот может называть себя социалистом лишь для издевательства над рабочими.

Именно потому что мы не боимся смотреть в лицо опасности, мы лучше используем свои силы для борьбы, – мы трезвее, осторожнее, расчетливее взвешиваем шансы, – мы делаем

все уступки, усиливающие нас и раздробляющие силы врага. (44,104)

...Конечно, не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо масса тоже поддаётся иногда – особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями – поддаётся настроениям несколько не передовым. Но в оценке людей, в отрицательном отношении к «примазавшимся», к «закомиссарившимся», к «обюрократившимся» указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны.

...Очистить партию надо от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших «фасад», но оставшихся в душе меньшевиками. (44,122-124)

Если оказалась ошибка в тактике, то надо с ошибкой покончить, и всё то, что с ней связано, надо признать помехой деятельности, которая требует изменения, надо окончить штурм и перейти к осаде, к иному размещению войск, к перераспределению материальных частей, не говоря уже об отдельных приемах и действиях. **То, что было раньше, надо решительно, точно и ясно признать ошибкой, чтобы не получить помехи в развитии новой стратегии и тактики.** (44,197)

Конечно, мы увеличиваем опасность своего положения, но не надо забывать основных законов всякой войны. Стихия войны есть опасность. На войне нет ни одной минуты, когда ты не был окружён опасностями. **А что такое диктатура пролетариата? Это есть война, и гораздо более жестокая, более продолжительная и упорная, чем любая из бывших когда бы то ни было войн.** Здесь опасность грозит каждому нашему шагу. (44,210-211)

Можно «тормозить» насчёт «акции» в тот или иной момент, но *непримиримым* надо быть в революционной пропаганде. (44,456)

P.S. Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!! (45,53)

...История знает превращения всяких сортов; полагаться на убеждённость, преданность и прочие превосходные душевные качества – это вещь в политике совсем не серьёзная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо.

...Прямого натиска на нас нет, нас не хватают за горло. Что будет, это мы ещё посмотрим, но сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и тем не менее **борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточённой и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг.** (45,93-95)

Все революционные партии, которые до сих пор гибли, – гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чём их сила, и боялись говорить о своих слабостях. (45,118)

Сессия ВЦИКа показала неправильность организации состава ВЦИКа. Громадное большинство членов его – должностные лица. Предлагаю вынести решение Политбюро: Признать необходимым, чтобы не менее 60% членов ВЦИКа были рабочие и крестьяне, не занимающие никаких должностей на совслужбе; чтобы не менее 67% членов ВЦИКа были коммунисты. (45,203)

Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. (45,214)

При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке. (45,356-357)

...нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещённые, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, – не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьёзно поставленной себе цели. (45,391-392)

В.И. Ленин
**«Об отношении рабочей партии
к религии»**

Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идёт дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это – азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идёт дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия

в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть наша главная задача. Марксист говорит: не правда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеологически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это – корни, главным образом, *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда выходящих событий вроде войн, землетрясений т.д., – вот в чем самый глубокий современный корень религии. **«Страх создал богов».** **Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа,** которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, – вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он хочет оставаться материалистом подготовительного класса. Никакая просветительская книжка не вытравит религии из забитой капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы не научатся объединено, организовано, планомерно, сознательно бороться против этого *корня* религии, против *господства капитала* во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительская книжка против религии вредна или излишняя? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть *подчинена* её основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых *масс* против эксплуататоров. (48-49)⁸

Возьмем пример. Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных социал-демократов, которые являются, разумеется атеистами, и довольно отсталых, связанных ещё с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной – не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т.п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведёт христиан-рабочих к социал-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только на руку попу и попам, которые ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то стало, на деле

⁸ В.И. Ленин. Избранные произведения в двух томах, 1935 г., т. 1.

помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты *на деле* помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т.е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т.е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлечённой, чисто-теоретической, всегда себе ровной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей *на деле* и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчётом: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, – премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т.д. и т.п. (50)

...Если священник идёт к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовывать своих членов насчёт отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может.. И, если бы, например, священник вошёл в партию с.-д. и стал вести в этой партии, как свою главную и почти единственную работу, активную проповедь религиозных воззрений, то партия безусловно должна было исключить его из своей среды. (50-51)

Перейдём теперь к тем условиям, которые породили на Западе оппортунистическое толкование тезиса «объявление религии частным делом». Конечно, есть тут влияние общих причин, порождающим оппортунизм вообще как принесение в жертву минутным выгодам коренных интересов рабочего движения. Партия пролетариата требует *от государства* объявление религии частным делом, отнюдь не считая «частным делом» вопрос борьбы с опиумом народа, борьбы с религиозными суевериями и т.д. Оппортунисты извращают дело таким образом, как будто бы *социал-демократическая* партия считала религию частным делом. (51)

И.В. Сталин О ЛЕНИНЕ И ЛЕНИНИЗМЕ

Ленин как организатор и вождь РКП

Статья к 50-летию со дня рождения

Существуют две группы марксистов. Обе они работают под флагом марксизма, считают себя «подлинно» марксистами. И все-таки они далеко не тождественны. Более того: между ними целая пропасть, ибо методы их работы диаметрально противоположны.

Первая группа обычно ограничивается внешним признанием марксизма, не умея или не желая претворить его в жизнь, она живые и революционные положения марксизма превращает в мертвые, ничего не говорящие формулы. Свою деятельность она основывает не на опыте, не на учёте практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой деятельности, а из аналогий и исторических параллелей. Расхождение слова с делом – такова основная болезнь этой группы. Отсюда разочарование и вечное недовольство судьбой, которая сплошь и рядом подводит её, оставляет «с носом». Имя этой группы – меньшевизм (в Рос-

сии), оппортунизм (в Европе). Тов. Тышко (Иогихес) на Лондонском съезде довольно метко охарактеризовал эту группу, сказав, что она **не стоит, а лежит на точке зрения марксизма**. Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, на его претворение в жизнь. Намечение путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется – вот на что, главным образом, обращает своё внимание эта группа. Директивы и указания черпает эта группа не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий. В своей деятельности опирается она не на цитаты и изречения, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, участь на своих ошибках и уча других строительству новой жизни. Этим собственно и объясняется, что в деятельности этой группы слово не расходится с делом и учение Маркса, сохраняет полностью свою живую революционную силу. К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу которых марксисты не могут останавливаться на том, чтобы объяснить мир, а должны идти дальше, с тем, чтобы изменить его. Имя этой группы – большевизм, коммунизм. Организатором и вождём этой группы является В.И. Ленин. (8)⁹

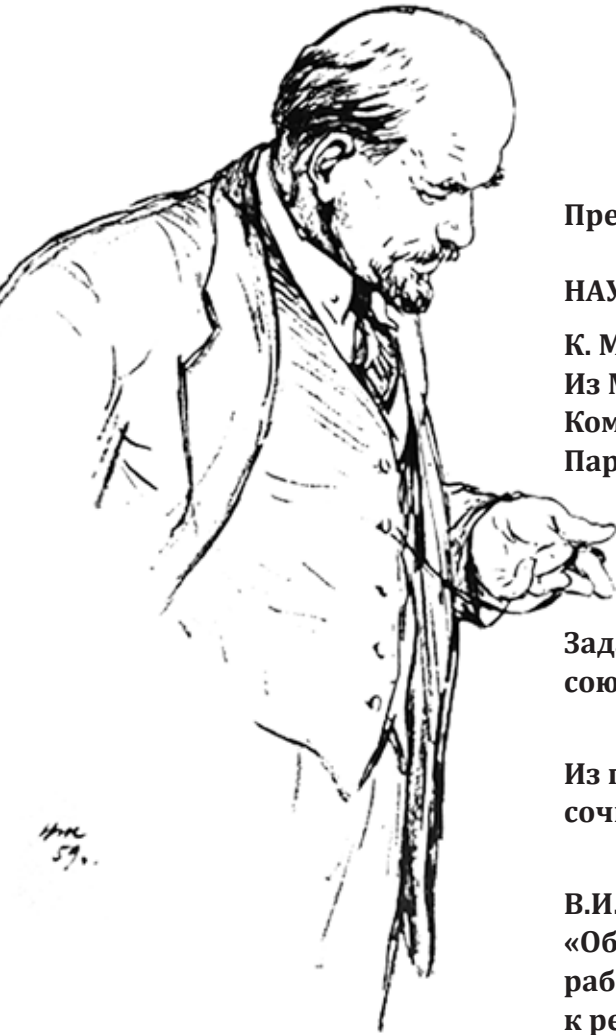
⁹ В.И. Ленин. Избранные произведения в двух томах. 1935 г., т. 1.

Из беседы с первой американской рабочей делегацией

9 сентября 1927 года

В вопросе делегации сказано далее: «Было ли правильным сказать, что Ленин верил в «творческую революцию», тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?». Я думаю, что сказать так было бы совершенно неправильно. Я думаю, что всякая народная революция, если она является действительно народной революцией, есть революция творческая, ибо ломает старый уклад и творит, создаёт новый. Конечно, не может быть ничего творческого в таких, с позволения сказать, «революциях», какие бывают иногда, скажем, в Албании в виде игрушечных «восстаний» одних племён против других. Но такие игрушечные «восстания» никогда не считались марксистами революцией. Речь идёт, очевидно, не о таких «восстаниях», а о массовой народной революции, поднимающей угнетённые классы против классов-угнетателей. А такая революция не может не быть творческой. Маркс и Ленин стояли именно за такую революцию, – и только за такую. При этом понятно, что такая революция не может возникнуть при любых условиях, что она может разыгаться лишь при определённых благоприятных условиях экономического и политического порядка. (24-25)

Содержание

Предисловие 3

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ!

К. Маркс, Ф. Энгельс
Из Манифеста
Коммунистической
Партии 6

Задачи
союзов молодежи 8

Из полного собрания
сочинений В.И. Ленина ... 10

В.И. Ленин
«Об отношении
рабочей партии
к религии»103

Приложение

И.В. СТАЛИН О ЛЕНИНЕ И ЛЕНИНИЗМЕ

Ленин как организатор и вождь РКП
Статья к 50-летию со дня рождения108

Из беседы с первой американской
рабочей делегацией 110

«Ленин за работой».
Давид Боровский, Марк Клионский.
Графика, 1959 год

Научно-популярное издание

Живое ленинское слово

Сборник цитат

Составитель – **Юрий Константинович Евсеев**,
кандидат технических наук

Предисловие – **Марина Васильевна Ильчук**,
кандидат философских наук

Дизайн, вёрстка – **О.А. Маковский**

Корректор – **А.В. Иванова**

Препресс – **Э.И. Ахмадеев**

На обложке: **«Ленин за работой»** (фрагмент).

Давид Боровский, Марк Клионский. Графика, 1959 год.

Иллюстрации: **«В.И. Ленин на Втором конгрессе Коминтерна»**.

Георгий Верейский. Литография, 1938 год;

«Пора». Николай Жуков. Карандаш, 1959 год

Издательский дом Маковского

makovski.ru

Подписано в печать 15.09.2022

Формат 60x84 7 п.л. Печать офсетная. Гарнитура Cambria

Тираж 50 экз. Заказ №183126.

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии».

109316, Москва, Волгоградский пр., 24, корп. 5,

тел. +7 (499) 322-38-31.

Владимир Ильич Ленин

(1870-1924)

**В.И. Ленин – вождь двух революций,
в результате которых было основано первое
в мировой истории социалистическое государство,
исключающее эксплуатацию человека человеком.**